

Юлия Ивановна Фаусек (Андрусова)

Воспоминания

*ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ С.И. ФОКИНА;
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ С.И. ФОКИНА И О.Б. ВАХРОМЕЕВОЙ*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
sifokin@mail.ru; voxana2006@yandex.ru

Публикуемая часть обширных воспоминаний Ю.И. Фаусек (Андрусовой), выпускницы естественного отделения Высших женских (Бестужевских) курсов 1884 г., прежде всего, посвящена неформальным характеристикам преподавателей-биологов, работавших на курсах в 80-х гг. XIX века. Биографическая статья, написанная авторами публикации, впервые охватывает весь жизненный путь мемуаристки, в большей степени известной в России в качестве основательницы системы дошкольного воспитания по методу Монтессори. Значительная часть фотографий, иллюстрирующих текст, малоизвестна.

Ключевые слова: Ю.И. Фаусек (Андрусова), Высшие женские (Бестужевские) курсы, Санкт-Петербургский университет, зоология, ботаника, физиология, профессора-биологи.

Дневники, письма и воспоминания современников — это неоценимые исторические источники и в то же время документы человеческой личности. Благодаря им мы можем полнее узнать и понять людей, с которыми нам не пришлось лично встречаться, а часто только из них и можно узнать о событиях и людях, обойденных вниманием официальной истории и с течением времени забытых — канувших в Лету. Более того, изучение воспоминаний очевидцев эпохи — это путь, который помогает лучше узнать как самих людей, так и ту жизнь и социальную среду, которая этих людей окружала.

Юлия Ивановна Фаусек (в девичестве Андрусова), младшая сестра геолога-палеонтолога, академика Николая Ивановича Андрусова (1861–1924), прожила сравнительно долгую жизнь, богатую в первой её половине интересными встречами, путешествиями, общением с известными учеными, художниками, скульпторами, музыкантами, литераторами. На долю этой женщины выпало и много горя — потеря мужа и трёх сыновей, запрет в Советской России её любимого дела — дошкольного образования по системе Монтессори, и гибель на старости лет в блокадном Ленинграде. Незадолго до этого печального финала, в конце 30-х гг. XX века, Юлия Ивановна записала некоторые события своей жизни и сделала это мастерски, хотя и далеко не завершила описание происшедшего с ней за долгие годы¹. У неё оказалась цепкая память, хороший литературный слог и та доверительная интонация, которая исподволь вовлекает читающего в круг близких, равнодушных свидетелей той внутренней и внешней жизни, что начиналась почти 150 лет назад у тёплого Чёрного моря, а в большей мере прошла в Петербурге—Петрограде—Ленинграде.

Юлия Ивановна родилась в городе Керчи Таврической губернии третьего (по старому стилю) июня 1863 г. в семье штурмана торгового флота. У её родителей было

¹ Анализ тетрадей, в которых записаны воспоминания, и некоторые упомянутые в тексте факты указывают на то, что они были начаты Ю.И. Фаусек не раньше 1936 г. и закончены осенью-зимой 1939 г.

Ю.И. Андрусова.
СПб., 1900-е гг.
Музей истории СПбГУ

пять детей, но наибольшая привязанность и близость на всю жизнь возникла у Юлии только к старшему (на 2 года) брату Николаю, которого она называла в воспоминаниях «лучшим другом». Он, вероятно, отчасти заменил девочке отца, погибшего в море, когда ей было только восемь лет. При этом девочка росла ребёнком независимым, пытливо вглядывающимся в окружающий мир, чутким и одиноким — человеком природы. «Лет до восьми я ощущала мир как язычник, он весь был наполнен божествами, но божествами добрыми», — вспоминала Юлия Ивановна². Она и сама стремилась быть таким божеством: спасала мух, попавших в банку с водой, мышей из мышеловки, увечных котов и собак. Всякие твари, будь то мухи, пауки, лягушки или ящерицы никогда не вызывали в девочке страха или неприязни — она относилась к ним как к живым существам, таким же, как она сама. Найденная на огороде медведка «так смешно жевала своими крупными челюстями и была похожа на одну из моих старых тетушек», — писала Фаусек³.

Бродить в одиночестве было любимым занятием девочки: «Иногда я ходила на пристань ко времени прихода пассажирского парохода и ждала прибытия какого-нибудь необыкновенного человека <...>. Это чувство (ожидание необыкновенного) жило во мне долго и за пределами моего детства, в моей юности и молодости и позже, но... мало-помалу оно уменьшалось и исчезало»⁴. Любовь к деревьям, колокольному звону, печальному и весёлому, и шарманке, зародившаяся в раннем детстве, сопровождала её потом всю жизнь. Вещи-друзья и вещи-враги окружали девочку, как в сказках Андерсена, которые она очень любила⁵.

Мы специально, вслед за мемуаристкой, достаточно подробно описываем начальные впечатления жизни этого маленького человека, ибо многое (если не всё) во взрослых — родом из детства, и это далёкое детство объясняет, как нам кажется, богатую палитру памяти 75-летней писательницы.

После гибели отца семья лишилась относительного материального благополучия и осталась с пенсией в 150 рублей в год на иждивении брата матери, мало уделявшего внимания своим родственникам. В девять лет Юлю отдали в пансион. Прямое столкновение с чуждым, если не враждебным укладом жизни в заведении «мадам» привело к тому, что вместо школы ученица неделю проводила учебные часы на горе Митридат. «Я хотела учиться, хотела очень, но не так, как учила меня мадам», — сетовала Юлия Ивановна⁶. К счастью для девочки, в городе открылась женская гимназия, куда её вскоре приняли во второй класс.

² Цитаты взяты из воспоминаний Ю.И. Фаусек, хранящихся в Российской национальной библиотеке (РНБ), в Отделе рукописей (ОР). Ф. 807. Ед. хр. 1–2 и 17; далее указываются только номер единиц архивного хранения и их листы — Ед. хр. 1. Л. 28.

³ Ед. хр. 1. Л. 29.

⁴ Ед. хр. 1. Л. 85а, 85с.

⁵ В одном из писем К.И. Чуковского (1926) якобы сказано, что Юлия Ивановна «терпеть не может волшебных сказок» (комментарии к сборнику «Ю. Фаусек. Педагогика Марии Монтессори». М.: Генезис, 2007. С. 349). В своих воспоминаниях о детстве Ю.И. Фаусек пишет обратное.

⁶ Ед. хр. 1. Л. 160.

В третьем классе Андрусова была уже одной из лучших учениц. Самыми любимыми предметами её были рисование (из-за самого процесса) и русский язык — из-за хороших учителей. Более чем скромный достаток семьи побуждал начать трудовую деятельность — с пятого класса девушка стала давать частные уроки, которые были необходимым подспорьем ещё около десяти лет. Собственно на заработанные уроками деньги Юлия и поехала в столицу. «Я очень любила рисовать. Но тогда было такое время — конец 70-х годов, когда все должны были учиться естественным наукам, и я поддалась тому же течению»,⁷ — объясняла Юлия Ивановна своё намерение поступать после гимназии на женские медицинские курсы. Тогда ещё сильны были идеалы шестидесятников — чувство долга перед народом и желание быть ему полезным были главными ориентирами при выборе жизненного пути у «сознательной» части молодёжи.

С Керчью, как ни любила Андрусова этот город, после окончания гимназии её ничего уже не связывало — брат учился в Новороссийском университете в Одессе. «Я была одинока: между мной и матерью не было близости, — вспоминала Фаусек. — Книги и мечтания были моими спутниками <...>. Детство прожито, наступала юность, а с нею новые заботы и новые мечты»⁸. Несколько гимназических знакомых учились в Петербурге: три на медицинских курсах, а одна — на Бестужевских, поэтому предполагалось ехать в Петербург. «Надо было подготовиться для поступления на медицинские курсы, потому что так приказал мне брат, уезжая <...>. О Бестужевских курсах мы очень мало знали <...>. А у меня специального интереса к наукам не было, а был интерес просто к знаниям. Истинное же влечение мое было к искусствам»⁹. Тем не менее, в конце лета 1880 г. Андрусова с пятьюдесятью рублями, впервые в жизни отправилась по железной дороге на север — в Санкт-Петербург учиться медицине.

Женские медицинские курсы помещались на Песках в Николаевском госпитале. Однако стать медичкой Андрусовой была «не судьба». На вступительных испытаниях она провалилась по латинскому языку. Это ей могли бы и простить, но на курсы принимали с 20 лет, а девушке было только 17.

По совету землячки она пошла на Высшие женские курсы к Надежде Васильевне Стасовой¹⁰. «Эта прекрасная, бесконечно добрая женщина приняла меня очень ласково, — писала Фаусек, — и объяснила, что с моим дипломом за 7 классов я не могу поступить на Высшие курсы, для этого нужно выдержать дополнительные экзамены за 8-й класс: русский и математику»¹¹. Брат Николай в письмах настаивал на возвращении в Керчь, но вернуться назад ни с чем было невозможно. По записке Стасовой Юля начала ходить

А.Н. Бекетов. СПб., 1882 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

⁷ Ед. хр. 1. Л. 160.

⁸ Ед. хр. 1. Л. 245, 260.

⁹ Ед. хр. 1. Л. 261.

¹⁰ Н.В. Стасова (1822–1895). Активная деятельница женского высшего образования, одна из организаторов Высших женских (Бестужевских) курсов, дочь крупного русского архитектора В.П. Стасова, сестра известного художественного критика В.В. Стасова.

¹¹ Ед. хр. 1. Л. 269.

на лекции, параллельно добиваясь разрешения досдать необходимые для официального приема экзамены. Поздней осенью ей удалось это сделать при Кронштадтской женской гимназии. И опять её судьба висела на волоске: когда директор гимназии Кобеко начал заполнять свидетельство о выдержанных экзаменах, он обнаружил в её гимназическом аттестате четвёрку по поведению — при пятёрках почти по всем предметам. Попасть с такой отметкой в высшее учебное заведение было в те времена почти невысказано. На глазах растерянной и изумлённой девушки, педагог составил свидетельство о выдержанных экзаменах, переписав туда все оценки из керчинского аттестата и поставив поведению — 5, керчинский аттестат разорвал и выбросил в корзину. «Только дайте слово, — сказал директор, — что вы никому не расскажете о моем подлоге до самой моей смерти». «Я с радостью дала ему слово, — вспоминала Фаусек, — и сдержала его. Только спустя десять лет я прочла в газетах объявление о его смерти, погрузила о прекрасном человеке и рассказала о его великодушном поступке друзьям»¹².

Итак, с осени 1880 по весну 1884 г. Юлия Ивановна училась на естественном отделении Высших женских (Бестужевских) курсов (ВЖК). Жизнь большого столичного города, «тысячи впечатлений от окружающего: лекции, профессора, студентки, люди вообще, разговоры, книги, Петербургские улицы, Эрмитаж, театры»¹³, — всё это теперь составляло мир молоденькой провинциалки. Но рассчитывать ей было не на кого, и в Петербурге, как и последние годы в Керчи, массу времени и сил отнимали уроки, дававшие средства к существованию.

Ещё нечётко представляя свою будущность, Юлия училась серьёзно — сам процесс образования доставлял ей огромное удовольствие, особенно потому, что на курсах читала блестящая плеяда почти исключительно университетских профессоров и преподавателей, в том числе и биологов. Встречи с этими интересными людьми и известными учеными и педагогами в разной степени нашли отражение в её воспоминаниях¹⁴.

Для портретов некоторых из этих профессоров и преподавателей воспоминания Фаусек особенно важны, так как другие неформальные упоминания об их облике и характерах или просто отсутствуют в литературе, или относятся к более позднему времени. Так, практически мы не знаем других прижизненных описаний Мережковского — одного из «отцов» широко признанной теперь теории симбиогенеза¹⁵. Очень живые образы знаменитых физиологов Сеченова и Введенского, а также зоолога Герценштейна, созданные Ю.И. Фаусек, тоже трудно сравнить с чем-либо опубликованным ранее об этих учёных.

¹² Ед. хр. 1. Л. 280.

¹³ Ед. хр. 2. Л. 270.

¹⁴ Выбирая отрывки воспоминаний Ю.И. Фаусек для публикации в этом сборнике мы не ограничились портретами ученых-биологов, но сочли уместным дать и некоторые описания быта курсисток и событий, особенно запомнившихся автору.

¹⁵ О нём и его исследованиях см.: *Sapp J., Carrapico F., Zolotonosov M. Symbiogenesis: The Hidden Face of Constantin Merezkowsky // History and Philosophy of the Life Sciences. 2002. Vol. 24. P. 413–440; Fokin S.I. Konstantin Sergeevich Merezkowsky [C.S. Mereschkowsky] (1855–1921). “100 Years of the Endosymbiotic Theory: from Prokaryotes to Eukaryotic Organisms”. Hamburg, 2005. P. 6–7; Фокин С.И. Константин Сергеевич Мережковский // Русские учёные в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. С. 190–195., О Мережковском петербургского периода, например, есть только одна фраза в воспоминаниях А.М. Никольского (1858–1942). Из истории биологических наук Вып. 1. М.; Л., 1966. С. 79–108. — практически единственным источником, где упомянуты те же учёные Санкт-Петербурга начала 80-х гг. XIX в., что и в воспоминаниях Фаусек.*

Преподавание биологических дисциплин на Высших женских курсах во время, когда там училась Ю.И. Андрусова, было поставлено очень хорошо и осуществлялось действительно лучшими профессорами и преподавателями, прежде всего из Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ)¹⁶. Кафедру ботаники на курсах тогда возглавлял Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902), крупный морфолог и основатель отечественной школы ботаников-географов, профессор и ректор ИСПБУ, почётный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (ИСПБАН), директор Курсов в 1882–1887 гг. Часть курса ботаники читалась также профессором Лесного института, впоследствии академиком ИСПБАН, Иваном Парфеньевичем Бородиным (1847–1930), который в большей степени занимался анатомией и физиологией растений¹⁷. Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918), глава отечественной школы физиологии растений, профессор ИСПБУ, академик и один из основателей теории происхождения эукариотической клетки путем последовательных симбиозов (симбиогенеза), с 1879 по 1886 г. читал на ВЖК курс физиологии растений.

Кафедру зоологии возглавлял крупный зоолог-путешественник, орнитолог, блестящий популяризатор зоологических знаний Модест Николаевич Богданов (1841–1888), читавший курс зоологии позвоночных. После ухода Богданова по болезни из состава профессоров ВЖК в 1885 г., эту дисциплину преподавал там (1886–1887) известный энтомолог и паразитолог, талантливый поэт-переводчик, профессор Лесного института, а потом и Военно-медицинской академии, впоследствии чл.-корр. ИСПБАН, — Николай Александрович Холодковский (1858–1921). Он значительно расширил Зоологический кабинет Курсов. Ассистентом по курсу позвоночных был Соломон Маркович Герценштейн (1854–1894), выпускник ИСПБУ, профессионально занимавшийся рыбами и моллюсками северных морей. Он умер неполных сорока лет и не сделал значительной научной карьеры, но все ценили его как большого знатока своих объектов и зоологической литературы в целом.

Лекции по зоологии беспозвоночных животных читал профессор Николай Петрович Вагнер (1829–1907), основатель соответствующего кабинета в ИСПБУ и первой биологической станции в полярных широтах (на Соловках)¹⁸, впоследствии чл.-корр. ИСПБАН (1898). Во время его длительной заграничной командировки (1883–1884)

Н.В. Стасова. СПб., 1883 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

¹⁶ Помимо перерыва 1889–1895 гг., когда вообще биологические дисциплины на ВЖК не читались, это было преподавание ботаники, зоологии и физиологии. Для этих областей биологии на Курсах в 1879 г. были созданы специальные кафедры. Анатомия и гистология первоначально входили в физиологию и только с 1906 г. были выделены с образованием для их чтения отдельной кафедры, возглавил которую А.Г. Гурвич (1874–1954).

¹⁷ В 1886 г. Бородин вместо А.С. Фаминцына стал читать на ВЖК физиологию растений.

¹⁸ Н.П. Вагнер был также известен читающей публике того времени как «Кот-Мурлыка» — автор большого цикла сказок, рассказов и нескольких более крупных литературных произведений.

лекции читались Михаилом Михайловичем Усовым (1845–1902), выпускником ИСПБУ (1869), зоологом-эмбриологом, впоследствии профессором зоологии Казанского университета, и прямым учеником Вагнера — Константином Сергеевичем Мережковским (1855–1921), который позднее отошёл от классической зоологии и стал профессором ботаники в Казанском университете (1908–1914). Он стал широко известным как учёный-биолог уже много лет спустя после смерти (в 70-х гг. XX в.), когда выяснилось, что ещё в 1905 г. в одной из своих работ Мережковский заложил основы теории симбиогенеза. Задолго до того, Мережковский, ещё будучи студентом (1879–1880), открыл в Крыму первые раннепалеолитические пещерные стоянки на территории России.

Ассистентом по курсу беспозвоночных был будущий знаменитый физиолог Николай Евгеньевич Введенский (1852–1922), ученик И.М. Сеченова, в начале своей научной карьеры занимавший должность консерватора Зоотомического кабинета ИСПБУ.

Физиология на ВЖК была представлена профессорами ИСПБУ: академиком Филиппом Васильевичем Овсянниковым (1827–1906), работавшим в основном по гистологии нервной системы и эмбриологии беспозвоночных и рыб и чл.-корр. и почётным академиком ИСПБАН Иваном Михайловичем Сеченовым (1829–1905), знаменитым электрофизиологом, психофизиологом и физиологом центральной нервной системы. С 1883 г. часть физиологического курса стал читать уже упоминавшийся выше Н.Е. Введенский, электрофизиолог, создатель учения о процессах возбуждения и торможения в нервной системе, впоследствии также ставший профессором университета и чл.-корр. ИСПБАН.

Сразу после окончания своего обучения на Курсах Андрусова была оставлена при Зоологическом кабинете, но без оплаты, поэтому ей пришлось пойти на службу. По протекции Н.В. Стасовой и М.Н. Богданова она была принята учительницей естествознания в гимназию М.Н. Стоюниной¹⁹. Несколько лет, в свободное от работы время, Андрусова занималась зоологией и в Зоотомическом кабинете университета — случай редчайший, так как женщины в то время в университет официально не допускались. Юлия Ивановна опубликовала даже одну работу по протозоологии — «Инфузории Керченской бухты» (1886), которая ставит её в немногочисленный ряд первых женщин-протистологов. В университете среди знакомых Андрусовой были Н.М. Книпович, А.И. Ульянов, Ю.Н. Вагнер и её будущий муж В.А. Фаусек²⁰.

Вскоре после отъезда из Петербурга К.С. Мережковского и появления в Зоотомическом кабинете В.М. Шимкевича²¹ факультетское начальство восстановило status quo,

¹⁹ Мария Николаевна Стоюнина (1846–1940). Начальница одной из лучших петербургских частных женских гимназий, жена известного педагога и методиста В.Я. Стоюнина (1826–1888). Выслана из России в 1922 г. вместе с семьёй дочери, которая была замужем за известным философом Н.О. Лосским. Умерла в эмиграции. Юлия Ивановна работала под руководством В.Я. Стоюнина в гимназии кн. А.А. Оболенской.

²⁰ Николай Михайлович Книпович (1862–1939), в будущем крупный гидробиолог-океанограф, проф., чл.-корр., и почётный академик АН СССР; Александр Ильич Ульянов (1860–1887), старший брат В. И. Ульянова-Ленина, студент IV курса ИСПБУ, участник подготовки покушения на Александра III, казнен в 1887 г.; Юлий Николаевич Вагнер (1865–1946), в будущем проф. зоологии в Киеве, а после эмиграции, — в Белградском университете, сын Н.П. Вагнера; Виктор Андреевич Фаусек (1861–1910), в будущем известный зоолог-эмбриолог, проф. ВЖК и их директор, а также проф. зоологии Женского медицинского института.

²¹ Владимир Михайлович Шимкевич (1858–1923). Зоолог-эволюционист, выпускник Московского университета (1881), в 1886 г. приглашённый Н.П. Вагнером на место приват-доцента,

и Юлия Ивановна весной 1887 г. должна была прекратить свои посещения университета. Тем не менее она продолжала работать в Зоологическом кабинете ВЖК. Будучи способной рисовальщицей, Андрусова со временем стала выполнять заказы на биологические рисунки, так что связи с учеными, в том числе и университетскими, даже расширились. Одним из её постоянных клиентов был проф. Н.А. Холодковский, который в то время читал лекции и на Курсах, и в университете. Мало-помалу у неё возникло понимание, что наука — не то, чем бы она хотела заниматься в жизни. На этом моменте Фаусек специально останавливается в своих воспоминаниях:

«Наступило разочарование, и даже не разочарование, а вполне сознательное убеждение в том, что для науки я не гожусь, что отдаться ей так, как должен отдаваться истинный учёный, я не могу. Это убеждение росло и крепло во мне, когда я сравнивала себя с братом, настоящим большим ученым, беззаветно отдавшимся науке. Я поняла, что в моих занятиях зоологией были заняты главным образом глаза и руки, а мысль была на заднем плане. Я подходила к науке не как к науке, а как к искусству, и искусству прикладному: мне нравилось рассматривать, рисовать, делать препараты. В этом последнем я добилась большого мастерства. Работая в кабинете, я изготовила ряд препаратов по инфузориям таких, каких до сих пор никто не изготовлял, и они служили в течение двух-трех лет пособием для лекций профессоров. И я отошла от науки без сожаления, тем более, что прикладная её сторона осталась при мне надолго в моей жизни»²².

Смене ориентиров в жизни Андрусовой способствовал и выход её летом 1887 г. замуж за В.А. Фаусека (1861–1910). На следующий год у супругов родился первенец — Всеволод, а затем ещё трое детей — Наталья (1891), Владимир (1892) и Николай (1895). Муж Юлии Ивановны, выпускник Зоотомического кабинета университета, специалист по сравнительной анатомии и эмбриологии беспозвоночных, напротив, активно занимался наукой. В 1891 г. он защитил магистерскую диссертацию и стал читать в университете курс анатомии беспозвоночных в качестве приват-доцента. Для продолжения своих исследований Виктор Андреевич несколько раз ездил работать на знаменитую Неаполитанскую зоологическую станцию, бывая там иногда подолгу с семьей (в общей сложности Фаусеки прожили в Италии более двух лет). Юлия Ивановна отмечала в воспоминаниях: «Керчь, Петербург, Рим и Неаполь — лучшие для меня города изо всех, какие я когда-либо видела. Им же суждено было вобрать в себя всю мою жизнь»²³. В 1898 г. муж защитил диссертацию на звание доктора зоологии и получил кафедру в Женском медицинском институте. Годом раньше он был назначен заведующим кафедрой зоологии и на ВЖК, где в 1906 г. стал первым выборным директором. Жизнь, через десять лет, снова связала Юлию Ивановну с её alma mater, но уже в другом качестве.

В.А. Фаусек появился в Петербурге даже позднее, чем его жена — он родился в Саратове, учился в гимназиях Москвы и Харькова, где начал и свое высшее образование в местном университете. Только в 1884 г.²⁴ он перевелся на 4-й курс Санкт-

взамен покинувшего Петербург Мережковского. Впоследствии зав. Зоотомическим и Зоологическим кабинетами ИСПБУ, академик РАН (1920) и ректор Петроградского университета (1919–1922). Был проф. (1914–1919) и последним директором ВЖК (1918–1919).

²² Ед. хр. 2. Л. 399.

²³ Ед. хр. 2. Л. 172.

²⁴ К некоторым формальным моментам (прежде всего датам) в воспоминаниях Юлии Ивановны следует относиться внимательно — иногда она их путает. Так, Фаусек приехал в Санкт-Петербург именно в 1884 г. (а не в 1885-м — л. 469 воспоминаний); поженились Фаусек

А.С. Фаминцын. СПб., 1882 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

Петербургского университета. По своим корням это был человек Европы: его дед по отцовской линии был чехом, по материнской — немцем, а одна из бабок была француженкой. Помимо науки Фаусек серьезно интересовался искусством и литературой (что, вероятно, и сблизило будущих супругов) — бывал на собраниях у поэта А.Н. Плещеева, дружил с В.М. Гаршиным, о котором оставил интересные воспоминания, участвовал в русском кружке художников и литераторов писателя Н.Н. Фирсова в Неаполе. Естественно, Юлия Ивановна была введена в круг знакомых мужа. Некоторых известных людей того времени Юлия Ивановна узнала ещё учась на Курсах, — Н.В. Стасова часто приглашала её в свой дом (она жила вместе с братом, известным художественным критиком В.В. Стасовым), где тогда бывал цвет культурного общества Петербурга. Со многими деятелями культуры они познакомились уже будучи мужем и женой, прежде всего в домах Давидовых, а также Беклемишевых и Позенов²⁵, а кроме того, у художника Н.А. Ярошенко, с которым Фаусеки

очень дружили. Конечно, став профессором зоологии и директором ВЖК, В.А. Фаусек был постоянно погружен в педагогическую и административную работу, где опыт и знания Юлии Ивановны также оказались полезными.

В 1910 г. счастливо-спокойное течение жизни семьи Фаусек неожиданно и навсегда закончилось. Вскоре после Рождества (15 января), старший сын Всеволод, студент-юрист последнего курса университета, застрелился в квартире Фаусеков из-за невозможности соединиться с любимой девушкой (одновременно девушка покончила с собой в Харькове)²⁶. Трудно себе представить состояние родителей. Вполне возможно, что происшедшее ускорило конец и самого Виктора Андреевича — он скончался 1 июля того же года от болезни почек.

К тому времени средний сын Фаусеков — Владимир, уже поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Как зоолог он подавал определённые надежды — в 1913 г. работал, как прежде отец, на Неаполитанской зоологической станции, а летом 1914 г. ездил в Среднюю Азию и на Бородинскую биологическую станцию, расположенную на озере Селигер. Там он неожиданно заболел и, вероятно, пока Владимира перевозили в Петербург (в Мариинскую

и Андрусова в 1887 г. (а не в 1888-м — л. 468). Описания событий и эмоциональные оценки, данные мемуаристкой, напротив, по-видимому, всегда точны.

²⁵ Имеются в виду К.Ю. и А.А. Давидовы (директор консерватории и издательница журналов), В.А. и Е.И. Беклемишевы и Л.В. и М.Ф. Позены, у которых бывало много писателей, художников, скульпторов, актёров и музыкантов: Д.Н. Мамин-Сибиряк, Г.И. Успенский, В.А. Шелгунов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, А.И. Куинджи, М.В. Нестеров, Н.Н. Ге, Г.Г. Мясоедов, П.А. Брюллов, М.П. Клодт, Р.Р. Бах, Г.Р. Залеман, П.П. Забелло, П. Самойлов, А. Рубинштейн, А.В. Вержбилович, А.С. Ауэр и др.

²⁶ Трагедия в семье проф. В. Фаусека // Петербургская газета. 1910. Январь. № 15.

больницу), время было упущено — 1 июля он скончался²⁷. Вот как вспоминал об этом печальном событии его старший коллега по университету П.Д. Резвой: «Жизнь нашей колонии была омрачена смертью молодого студента Фаусека. Больным он был эвакуирован с о. Селигер в Петербург, где вскоре умер. Фаусек пользовался всеобщей симпатией; несмотря на молодость, это был уже вполне сформировавшийся зоолог»²⁸.

В это время только немного оправившаяся от потери старшего сына и мужа Юлия Ивановна занималась новой для себя областью педагогики — дошкольным воспитанием по системе Монтессори²⁹. В 1912 г. Фаусек прочла в журнале «Вестник воспитания» статью Е.Н. Янжул под заглавием «Об одном итальянском детском саде», которая привлекла Юлию Ивановну неожиданным подходом к выявлению и развитию творческих задатков у детей. Через год в России вышла и книга самой Монтессори «Дом ребёнка (опыт научной педагогики)».

Ю. И. Фаусек вспоминала: «В 1913 г. я жила на даче на Балтийском море в Тойле со своими детьми (с семьей Гревсов), где познакомилась со старым математиком В.В. Лермонтовым, ярким поклонником системы Монтессори»³⁰. На почве общего интереса между дачниками установилась дружба. Они виделись почти каждый день и вместе изучали материалы Монтессори, которые Лермонтов привёз с собой на дачу.

У широкой публики тогда эта система воспитания вызывала непонимание и даже презрительные насмешки. «В то время жизни (крайне тягостное для меня), — вспоминала Юлия Ивановна, — я была очень разочарована в своей учительской работе. Система Монтессори явилась для меня спасительным маяком <...>, зовущим к движению вперед, в новые обетованные земли для наших детей»³¹. В октябре того же 1913 г. ей удалось основать первый детский сад по системе Монтессори, в коммерческом училище М.А. Шидловской, в котором она тогда работала и где директором был поклонник этой системы С.И. Созонов.

Новое направление педагогической деятельности полностью захватило Фаусек. В 1914 г. она была командирована Отделом средней школы Министерства народного просвещения в Рим, где существовали интернациональные курсы Монтессори. Вернувшись из командировки, Юлия Ивановна с удвоенной энергией продолжала начатое дело. Детей было тридцать. Она чувствовала себя учёным в своей лаборатории: разочарования от собственного неумения сменялись уверенностью в верности выбранной системы воспитания. Это убеждение росло от первых результатов: дети, эти главные

И.П. Бородин. СПб, 1885.
Архив кафедры ботаники СПбГУ

²⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55793.

²⁸ Резвой П.Д. Из моих зоологических воспоминаний // Деятели советской гидробиологии. В.М. Рылов. Г.Ю. Верещагин. А.Л. Бенинг. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. С. 31.

²⁹ Мария Монтессори (1870–1952). Итальянский педагог, основательница широко распространённой системы дошкольного воспитания, основанной на развитии у детей различных навыков при занятиях в форме свободных игр с наглядными пособиями.

³⁰ Ед. хр. 17. Л. 1.

³¹ Ед. хр. 17. Л. 1.

М. Н. Богданов. СПб, 1882.
Музей-архив Д. И. Менделеева

участники и помощники необычного начинания, их успехи, успокаивали её и укрепляли веру Фаусек в свои возможности. В 1915 г. сад стали посещать различные педагоги, учёные и просто любопытные. Среди последних был, например, известный художник К.С. Петров-Водкин — в саду воспитывалось трое его крестников. В 1916 г. Ю.И. Фаусек была приглашена «Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов» для организации двух «детских домов» для детей фабричных рабочих. Это начинание, к сожалению, не получило развития: в феврале 1917-го грянула революция и переговоры об организации домов прекратились. В самом конце существования «старой России» удалось получить маленькую субсидию от Министерства народного просвещения, на которую были открыты курсы Монтессори при школе Шидловской на 25 слушательниц. Лекторами там были В.В. Половцев, В.В. Половцева, С.И. Созонов, Поварнин, Ю.И. Фаусек и Т.Н. Гиппиус. Интересовался этим начинанием известный пианист и дирижёр А.И. Зилоти. Архитектор С.С. Кричинский разработал план «Первого городского детского дома по системе Монтессори». Но все благие намерения остались в области мечтаний — государству было не до новаций в дошкольном воспитании, а богатых меценатов не находилось. В результате собранные деньги (1500 руб.) были переданы Фаусек для устройства детской площадки. Место было выхлопотано в Женском педагогическом институте — детям предоставили там комнату-аудиорию.

В 1918 г., уже новой властью, Ю.И. Фаусек было предложено устроить детскую летнюю площадку на Ждановской косе Петербургской стороны. Вскоре Комиссариат народного просвещения начал открывать детские сады. Осенью того же года был открыт и новый детский сад по системе Монтессори при 25-й Советской школе (бывшей Николаевской военной гимназии), которой заведовал тогда Я.М. Шатуновский — чрезвычайно отзывчивый и деятельный педагог. В организации садов и педагогической работе в них Ю.И. Фаусек помогала выросшая дочь Наталья (вскоре она поступила в актёрскую студию и впоследствии стала актрисой театра Радлова). Однако осенью 1918 г. Шатуновский был удалён из школы, а новое руководство оказалось совершенно равнодушным к начинанию Фаусек.

В 1919 г. Фаусек пригласили в качестве профессора читать лекции по методу Монтессори в Дошкольный институт (Педагогический институт дошкольного образования), открывшийся на базе бывшего Николаевского сиротского института. Оттуда с несколькими коллегами Юлия Ивановна была в начале октября направлена в Лугу, где проходили Курсы дошкольного воспитания. Там учителя оказались на полтора месяца отрезанными от Петрограда наступлением Юденича, и Фаусек с большим трудом удалось вернуться в Петроград через Псков (большинство участников курсов при наступлении красногвардейцев ушли с белыми в Эстонию).

Условия жизни в Петрограде продолжали ухудшаться — температура в детском саду не поднималась выше 8 градусов, пища была скудная, электричество постоянно

гасло. Вместо 15 детей, которые были набраны первоначально, теперь их было 36, причем очень разновозрастных и весьма запущенных и физически, и морально. «Помню, — писала Фаусек, — как кто-то спросил меня: “По какой системе ведете вы работу? По Фребелю или по Монтессори?” — и я ответила, что для того чтобы выводить вшей, ни той ни другой системы не нужно»³². Тем не менее сад существовал, хотя и сменил место: в 1922–1930 гг. он располагался прямо в Дошкольном институте (дошкольном отделении Педагогического института им. А.И. Герцена) — работу сначала приходилось вести в одной комнате, обогреваемой дымящей «буржуйкой». Там проходили занятия, готовилась еда (каша) и мылись дети. В конце 1924 г., благодаря письму, направленному Н.К. Крупской, Юлии Ивановне удалось добиться заграничной командировки и побывать в Берлине, Йене, Лейдене (где она в частном доме встретила с Эйнштейном), Амстердаме, Риме (где была очень теплая встреча с самой Монтессори) и Неаполе — во всех этих городах с успехом работали «монтессорские» школы.

После возвращения в Ленинград Фаусек обнаружила, что за время ее отсутствия система Монтессори была сильно потеснена в её детском саду «советской педагогикой». «Монтессорские принципы нарушены, и в основу занятий положена так называемая “советская педагогика”, т. е. политика, политика и политика, и какая политика! Настоящая политграмма»³³, — вспоминала Юлия Ивановна. В начале 1925 г. в Москве состоялась конференция по изучению системы Монтессори, которая вылилась в настоящее судилище, где Фаусек оказалась главной подсудимой. В конце последнего заседания было вынесено решение убрать из детских садов дидактический материал Монтессори и в течение шести месяцев ввести новый — советский. Весной этого же года из Москвы было получено распоряжение о закрытии всех детских садов Монтессори. Только в результате очередной поездки в Москву и встречи с Крупской Фаусек добилась разрешения сохранить сад как опытно-экспериментальный (80-й советский детский сад по системе Монтессори). В официальной ведомости по Институту в 1925 г. Фаусек из профессора превратилась в доцента, а с 1927-м числилась уже просто преподавательницей. Её постоянно провоцировали на выступления по темам ей глубоко чуждым: «О политическом воспитании», «Об антирелигиозном воспитании», «О политехнизме в детских садах». И, конечно, там Юлия Ивановна высказывалась совсем не так, как хотелось руководству. Весною 1930 г. детский сад окончательно перестал быть «монтессориевским», и в конце мая Ю.И. Фаусек навсегда простилась со своим детищем и работой в Институте³⁴. Став без-

Н.П. Вагнер. СПб., 1882 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

³² Ед. хр.17. Л. 42.

³³ Ед. хр. 17. Л. 107.

³⁴ За время работы по системе Монтессори Ю.И. Фаусек было опубликовано несколько книг, составивших основу отечественной практики воспитания по этой системе: Месяц в Риме в «Домах детей» Марии Мотессори. Пг., 1915; Метод Монтессори в России. Пг., 1924; Детский сад Монтессори. Опыты и наблюдения в течение двенадцатилетней работы в детских садах по

С.М. Герценштейн. СПб., 1882 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

рабочей, она вязала шапки, шила и вышивала белье... Попытки вернуться (в известной мере) к своему естественнонаучному прошлому не увенчались успехом: в Институте растениеводства ей отказали по возрасту. В Зоологическом же институте директор С.А. Зернов, хорошо знавший её мужа и даже друживший с братом, весьма холодно и надменно поговорил с Фаусек, даже не предложив ей сест, но все-таки дал ей временную работу: писать этикетки и краткие аннотации к музейным витринам. Потом ей удалось устроиться писать библиотечные карточки в «Библиотеке технических книг» на Невском проспекте. Заведующий библиотекой, бывший выпускник университета, Савин отнесся к Фаусек очень уважительно; работа, правда, тоже была временная — только на 4 месяца. «Никогда не забуду я этого милого человека, — писала Юлия Ивановна. — Он встретил меня очень ласково и, узнав мое имя и фамилию, воскликнул: "Боже мой, и такие люди должны ходить и искать заработка!" <...>. Какая разница между отношением, высказанным мне известным учёным, ака-

демиком, хорошо знавшим моих брата и мужа, и простым библиотекарем!»³⁵

Больше сведений о каких-либо местах работы Ю. И. Фаусек в 30-х гг. XX века нам найти не удалось — возможно, она так и перебивалась случайными заработками до самой войны³⁶. Это тем более вероятно, что в это время (1937 г.) был арестован и вскоре расстрелян в Москве её последний сын Николай, выпускник Санкт-Петербургского политехнического института, работавший в области только начавшей развиваться ракетной техники³⁷. Ленинградская блокада подвела черту этой жизни. К счастью, её фрагменты были сохранены самой Юлией Ивановной — они в её воспоминаниях. Это свыше 800 страниц текста, написанного ясным почерком и хорошим литературным языком. До сих пор лишь выдержки из них были опубликованы в книге «Русские учёные в Неаполе» и в журнале «Санкт-Петербургский университет»³⁸. Между тем,

системе Монтессори. М.; Л., 1926; Грамматика у маленьких детей по Монтессори. М.; Л., 1928; Как работать с материалом Монтессори. Л., б.г. и другие публикации. О вкладе Фаусек в развитие детской педагогики см.: *Петрова Н.Б.* Педагогическое наследие Ю.И. Фаусек как опыт реализации системы М. Монтессори в отечественной дошкольной педагогике: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2002; *Фаусек Ю.И.* Педагогика Марии Монтессори / ред. Е. Хилтунен, Д. Сороков. М.: Генезис, 2007.

³⁵ Ед. хр. 17. Л. 149.

³⁶ По неопубликованным воспоминаниям В.А. Силуковой (Архив музея Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена), по крайней мере, в 1934 г. Ю.И. Фаусек работала в средней школе.

³⁷ Н.В. Фаусек был в тот момент преподавателем Московского авиационного института. Расстрелян 15 марта 1938 г.

³⁸ *Фокин С.И.* Русские учёные в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006; Память живет в веках // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 15, 18, 19. Большая часть воспоминаний была опубликована

в воспоминаниях содержится ценный и, безусловно, достоверный материал о многих упомянутых (и неупомянутых) выше известных отечественных деятелях науки и культуры конца XIX — начала XX века. Введение в научный оборот этих живых набросков к портретам наших знаменитых соотечественников будет интересно как педагогам и историкам науки, так и широкому кругу читателей.

Воспоминания³⁹

И вот я пришла полноправной студенткой на курсы, и меня поглотили и ошеломили тысячи впечатлений от окружающего: лекции, профессора, студентки, люди вообще, разговоры, книги, Петербургские улицы, Эрмитаж, театры... Всё это как лавина катилось на меня в хаосе, в котором я, такая ещё маленькая, маленькая и в физическом, и в умственном отношении девочка, совершенно не могла разобраться. Все это поражало и скорее пугало, чем радовало мой ум. А тут ещё тоска, тоска «по родине», по морю, вольному воздуху, солнцу, простору, к которому привыкли глаза, по близким-родным, по собакам и прочие, прочие. Незнакомый огромный город своими каменными домами сжимал меня, точно тисками. Я увидела Неву, которую много лет спустя я полюбила вместе с Петербургом, а тогда она произвела на меня тяжелое впечатление: свинцовая вода, серое небо, и к воде не подойдешь, нет берега, везде гранитная преграда.

Понемногу я свыклась с Петербургом, но весной тоска вспыхнула с такой силой, что я не могла дожидаться дня и часа, когда можно будет на каникулы уехать в Керчь. Но в Керчи в конце лета меня сильно потянуло опять в Петербург, и я вернулась к нему уже без тоски и с удовольствием. Все же «Керчь» (само это слово звучало всегда для меня как-то особенно) осталась на всю жизнь в моей душе самым прекрасным, слегка сказочным уголком земного шара, в котором протекло мое детство и самая ранняя юность, далеко не всегда радостные, но озарённые внутренним светом мечтаний и надежд. Керчь, Петербург, Рим и Неаполь — лучшие для меня города из всех, какие я когда-либо видела. Им же суждено было вобрать в себя всю мою жизнь.

Летом моя сожительница умерла от чахотки. Она заболела ещё зимой в Петербурге, уехала домой и умерла в деревне под Керчью <...>. Три керчанки, окончившие вместе со мной гимназию, были все на медицинских курсах, на Бестужевских же после смерти Нади была я одна.

По дороге в Петербург в поезде я познакомилась с тремя девушками из Екатеринодара, ехавшими впервые поступать на Бестужевские курсы. Мы как-то сразу почувствовали симпатию друг к другу и решили поселиться вместе. На Фурштатской мы нашли две комнаты, в одной из которых поселились сестры Г., в другой я с Лизой М., с которой и жила все время до окончания курсов⁴⁰. В то время в Петербурге найти комнату было не трудно: почти на каждом доме

в 2010 г.: *Сороков Д.Г.* Русская учительница. Семейные истории и метод научной педагогики Юлии Фаусек. М.: Форум, 2010.

³⁹ Публикуются только избранные фрагменты из второй части «Воспоминаний» — «Бестужевские курсы, работа, встречи». ОР РНБ. Ф. 807. Ед. хр. 2. Л. 270–399. Общий объём мемуарных записей Фаусек — 883 листа в составе ед. хр. 1–4 и 17. Рукопись в 19 тетрадах, чернилами; начата в промежутке между 1936 и 1938 гг. и последняя тетрадь закончена осенью-зимой 1939 г. Записи, посвящённые периоду 1866–1887 г., носят хронологический характер, остальные описывают отдельные периоды жизни или разновременные встречи с представителями творческой интеллигенции.

⁴⁰ Высшие женские курсы, основанные в 1878 г., располагались вплоть до 1884 г. на Сергиевской ул. во втором этаже дома Е.А. Боткиной, жены знаменитого медика С.П. Боткина (современный адрес: ул. Чайковского, 7).

К.С. Мережковский. СПб., 1884 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

в районах, где находились Высшие учебные заведения, на воротах было много билетиков с объявлениями об отдаче в наем комнат... но квартирные хозяйки, пускавшие к себе охотно студентов, очень часто весьма невежливо захлопывали дверь перед носом студенток <...>. Вообще на студенток в обществе в то время смотрели косо и с подозрением, учащиеся женщины — это было ещё ново и не вошло в быт <...>.

В этот второй год моей жизни в Петербурге мне жилось несколько легче в материальном отношении: во-первых, у меня всегда были уроки, во-вторых, мои сожительницы не нуждались — каждая из них получала от родителей 20–25 рублей в месяц, что составляло в те времена порядочную сумму денег, и я (зарабатывая 18–20 рублей в месяц), всегда могла у них перехватить в долг, когда мне не хватало. Вообще в те времена бюджет молодого учащегося человека (студента или студентки) колебался в среднем между 15 и 30 рублями (были, конечно, и такие, которые получали меньше, но таких было очень мало, и они кое-как перебивались при

помощи товарищей). Пятнадцать рублей было маловато, а тридцать для студентки было почти богатство, для студента же 25—30 только достаточно, так как ему, как мужчине, нужно было больше еды да ещё табак <...>.

Первый год моего пребывания на курсах, в сущности, почти совсем пропал для учения. Почти три месяца, благодаря неопределённости моего положения, я плохо слушала лекции, плохо занималась. Благодаря плохому питанию, часто почти голодовке, полной непригодности южанки к жизни на севере в смысле одежды (помню, как однажды зимою, пробираясь по глубокому снегу на Марсово поле в легком пальто и прюнелевых ботинках без калош, мне казалось, что я бреду по снежной пустыне и никогда не дойду до теплого пристанища). Благодаря грошовым урокам, на которые приходилось тратить очень много времени, я занималась урывками, не могла посещать всех лекций, но каким-то чудом мне удалось всё же весною выдержать экзамены и перейти на второй курс <...>.

Заговорив об уроках, я не могу не отвести им несколько слов. Я жила на Фурштатской (ныне ул. Воинова), а мой первый урок был у меня на Подольской (близко от Технологического Института). Приходилось ходить пешком каждый день. Я отправлялась после лекций, часто не дослушав одной-двух из них (лекции читались в две смены из-за тесноты помещения курсов: с 9 утра до 4–5 — для слушательниц физико-математического и естественно-исторического отделений, и от 4-х–5-ти до 10 вечера для словесниц) <...>. Время это отнимало очень много, и я поздно возвращалась домой, усталая от бестолковых учеников и долгого хождения пешком туда и обратно (мне платили на уроке 15 руб. и тратить их на конку я не могла). Заниматься было трудно, хотелось спать, а я пользовалась для своих занятий только утренними часами (от 6–7 до 8 1/2) до лекций <...>. У меня остались только две ученицы и мне вместо пятнадцати рублей предложили восемь рублей вознаграждения. Из боязни остаться совсем без денег мне пришлось согласиться до приискания другого урока.

Скоро я получила другой урок, очень далеко — на Васильевском острове, в конце Малого проспекта у одной вдовы, домовладельницы. У нее была единственная дочка, тихая и ласковая восьмилетняя девочка, которую мне надлежало обучать. Урок был приятный, но ездить

было очень далеко. Я добиралась пешком до начала Невского и у Александровского сада садилась в общественные сани (дело было зимой), носившие название в то время у ездивших на них «Сорок мучеников», и ехала на них до самого дома, где был мой урок. Пара мохнатых лошадей, погоняемые кучером в тёплом армяке с бараньим воротником и в четырехугольной шапке с меховой опушкой, медленно тащилась почти час до моего пункта. Два часа пути в санях да почти два часа ходьбы от Фурштатской улицы до Александровского сада, да дав три часа занятий, в общей сложности — шесть-семь часов в день пропадало для моего личного ученья.

Ездить на «Сорока мучениках» мне даже нравилось (на эту езду я могла потратить тогда каждый день 6 коп., так как на уроке мне платили 20 руб. Меня занимала сама езда (у меня к тому времени были тёплое пальто, которое мне прислала мать, и калоши); занимали санные пассажиры: это были большей частью старые чиновники во фризových шинелях с пелеринами и удивительные старушки-салопницы из галерной гавани в необъятных атласных салопах и капорах с большими ридикулями, в которых они возили всякую всячину, приобретённую ими в «городе». Ездили они в гости, за покупками или молиться к Исаакию и в Казанский собор <...>.

Эти уроки были у меня в первый год моей жизни в Петербурге. В следующем году, когда я была уже на втором курсе, мне сразу повезло: я получила очень хороший урок в семье, которую я всегда помню <...>. Я получала на уроке 18 рублей и обед, что в те времена считалось прекрасным заработком, за пять дней работы (суббота и воскресенье были свободны). Я проводила на уроке часов пять, но гораздо меньше тратила времени на передвижение: по моим средствам я могла ездить в конке <...>. Я занималась с детьми час до обеда и два-три часа после обеда. Дети были очень милые и ласковые, но я тратила полдня, а иногда и больше на уроке; на мои личные занятия оставалось два-три часа, да ещё суббота и воскресенье <...>.

Возвращаясь опять назад, к первому году моего пребывания в Петербурге: два незабываемых факта из этого времени остались в моей жизни. В университете и у нас на курсах пользовались в тот год огромной популярностью лекции философа, тогда еще приват-доцента, Владимира Соловьёва⁴¹. О них постоянно говорили, ими восхищались, и аудитории всегда были битком набиты слушателями. У нас он читал историю философии на третьем курсе словесного отделения, но все другие курсы и других отделений ломались на его лекции и брали места с бою (в самой большой аудитории). Раза два попала и я. Я ничего не понимала из того, что читал Соловьёв, но его наружность, манера читать и все окружение навсегда остались в моей памяти. Он сидел, низко опустив голову; длинные волнистые черные волосы падали на его бледное аскетическое лицо, освещённое трепетным светом двух свечей под зелеными кол-

Ф.В. Овсянников. СПб., 1882 г.
Музей-архив Д. И. Менделеева

⁴¹ Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900), крупный религиозный философ, доктор философии ИСПбУ. Выпускник Московского университета и вольнослушатель Московской духовной академии, на ВЖК в 1879–1882 гг. читал историю древней философии.

Н.Е. Введенский. СПб., 1882 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

пачками. Закрытые глаза, скрещенные, белые, точно мёртвые руки с длинными пальцами, глухой, глубокий голос, отрывочные слова, длинные паузы... И вдруг он вставал во весь свой высокий, особенный рост, обводил аудиторию пронзительным взглядом больших, казавшихся огромными глаз, протягивал руку и, указывая куда-то в пространство, произносил несколько слов особенно резко и чеканно и вновь садился. Бывали случаи, что некоторые, очень нервные особы не выдерживали, и им делалось дурно. Иногда Соловьёв вместо обычной, текущей лекции произносил обличительную речь по поводу какого-нибудь события в общественной жизни.

Так однажды (я как раз попала на такую лекцию) он стал говорить о происходивших в то время на юге еврейских погромах; речь сначала глухая и отрывистая становилась все пламенней, и голос звучал как колокол, негодующие и обличительные слова против правительства лились неудержимо. Мы все были глубоко потрясены и в молчании покинули аудиторию, а Соловьёву в ту же ночь было приказано выехать из Петербурга. Он и уехал в имение Хитрово под Москву,

а через месяц ему было разрешено вернуться и вновь читать лекции.

Это было в декабре, а в марте ему пришлось уехать из Петербурга уже не на месяц, а на год и вот по какому поводу. Он читал ряд лекций, не помню уже по какой философии, в зале Кредитного Общества (рядом с Публичной библиотекой). Некоторое количество билетов присылалось нам на курсы. На одну такую лекцию по счастливой случайности достался билет и мне. Дело было в конце марта (1881 г.) в те дни, когда происходил суд над убийцами Александра II (Желябовым, Перовской и пр.) В обществе было большое волнение; в Высших учебных заведениях (и у нас в том числе) каждый день происходили сходки — каков будет приговор...

Я пришла на лекцию. В зале была самая разнообразная публика: много военных, нарядные дамы, студенты, курсистки. Вышёл Соловьёв и вместо очередной лекции заговорил о христианстве, о том, что не должно осуществлять мести, что Христос учил прощать своим врагам, прощать всякое зло, как бы велико оно, причинённое нам, не было, то есть — есть суд человеческий и есть суд божий, а потому и должен признаваться суд божеский, а не человеческий. Что сейчас происходит суд над цареубийцами, и, конечно, приговор будет самый тяжкий, но царь, если он христианин, должен простить преступников и даровать им жизнь, а если он этого не сделает, то мы не выйдем из этого круга убийств и отречёмся от царя (подлинные слова Соловьёва)... Таков в кратких словах был смысл его речи. Лекция в гектографическом виде ходила по рукам, все мы её списывали — была и у меня (долго хранилась, потом затерялась). Едва Соловьёв успел произнести последние слова, как поднялся невообразимый шум, большинство спешило поскорее уйти, молодёжь ринулась вперед к кафедре, какой-то офицер поднял кулаки у самого лица лектора. Соловьёв скрестил руки и спокойно сказал: «Я не признаю кулачного права, но вы, если хотите, — бейте». В залу вошла полиция, разогнала присутствующих, Соловьёва увезли домой, а на другой день выслали из Петербурга — и целый год мы его не слышали.

Всех волновал вопрос — дошли ли слова Соловьёва до царя и как он на них отзовется. Прошло несколько дней после лекции Соловьёва, и приговор над цареубийцами был вынесен:

смертная казнь. Все мы были подавлены, но всё ещё надеялись на прощение.

В один из последних дней марта (не помню уже точно числа, кажется — 27-го) рано утром я шла на урок по Надеждинской (ныне Маяковского) улице. Было тихо, город ещё не весь проснулся. Как вдруг я услышала позади какой-то шум: человеческие голоса, громыханье телег, и все это заглушалось барабанным боем. Мимо меня пробежали какие-то люди и городовые с листочками в руках, которые они расклеивали на стенах домов. Я прочла: объявление о казни царевубийц. Нельзя выразить словами смятения, овладевшего мною. Бежавшие мимо меня люди толкали и жали меня к стене. Я вскочила в ближайший подъезд, где уже стояло несколько человек... и я видела (невольно видела) всю ужасную процессию, направлявшуюся на Семеновский плац. Я видела всех: Желябова, Перовскую, Кибальчича⁴²... Желябов сидел гордо... Он пытался что-то говорить, но барабанный бой заглушал его слова... Я закрыла глаза и, когда солдаты и толпа прошли мимо подъезда и очистили путь, опрометью бросилась бежать домой на Фурштатскую улицу. Моя сожительница и соседка по комнате и студентка-медичка ещё не успели уйти из дому, и я принесла им страшную весть. Мы сидели потрясённые, не находя слов для выражения своих чувств...

Андрюша Желябов... Передо мной встало детское воспоминание: мне было всего шесть лет, Андрюша Желябов учился в Керчинской гимназии, в восьмом классе, жил у «хозяйки», давал уроки сыну генерала Нелидова (местного аристократа). Генерал говорил: «Хороший юноша Желябов, но смешной и странный. Я вхожу в комнату, где он занимается с Серёжей, говорю “здравствуйте”, а он руки за спину, чтобы мне не подать; видите, я генерал, а он нигилист... ну да Бог с ним — пусть его; Серёжку он учит хорошо, нигилизму его не научит, тот ещё мал, да и дурак, не поймет». Генерал был добродушный.

У нас дома одно время жила старая тетушка, старшая сестра моей матери, а у двоюродной моей тётки жили гимназисты на квартире: одним из них был Миша Май-Борода, известный потом певец русской оперы в Петербурге. Этот Миша часто прибегал во время большой перемены в гимназии к моей тётушке, приводил с собою и товарищей: они помогали ей колоть уголь для плиты, а она подкармливала их завтраками. Иногда приходил и Желябов. Помню, как мои домашние хвалили его, говоря: «Какой хороший мальчик Андрюша, и какой красивый!»

Однажды я стояла у калитки нашего двора. Вдруг калитка отворилась, и во двор вошёл высокий, кудрявый гимназист — это и был Андрюша Желябов. Увидя меня, он схватил меня на руки и посадил к себе на спину. «Держись крепко, — сказал он. — Мы сейчас помчимся, что есть духу». Я обхватила его шею, и он принялся скакать по всему двору, пока тётушка и Миша не позвали его завтракать... Боже мой, а сегодня я видела... нет, нельзя рассказать, что я переживала в те часы!

И.М. Сеченов. СПб., 1882 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

⁴² Андрей Иванович Желябов (1851–1881), София Львовна Перовская (1853–1881), Николай Иванович Кибальчич (1853–1881) — революционеры-народники, члены революционно-террористической организации «Народная воля», руководитель и исполнители покушения на Александра II, были казнены в Петербурге 3 апреля 1881 г.

М.А. Российская. СПб., 1883 г.
Музей-архив Д.И. Менделеева

Мы пошли на курсы. Происходившая там сходка была в самом разгаре. Стасова и профессора, озбоченные, выходили из профессорской, но не пытались вмешиваться, зная, что ничего из этого не выйдет. Стасова боялась только, чтобы не вошла полиция, но, к счастью, она опоздала. Студентки стали расходиться, и когда их осталось немного, Андрей Николаевич Бекетов, которого все глубоко уважали (он, собственно, и был основателем и главою наших курсов), попросил всех оставшихся побыстрее разойтись и распорядился закрыть курсы на три дня. Мы переживали закрытие курсов, как траур, и через три дня опять принялись за учение.

Ещё одно событие оставило по себе память навсегда. Это — похороны Достоевского 2-го февраля 1881 года. Он умер в конце января (кажется 28-го). Вся учащаяся молодёжь перебивала у него на квартире. И день, и ночь до самых похорон студенты и студентки дежурили у его гроба. Среди распорядителей похоронами был писатель Григорович; рассказывая, в каком порядке мы должны идти в процессии, он машинально схватил меня за пуговицу моего пальто и во все время своей речи теребил её. Смешно вспомнить теперь, но, придя домой, я отрезала

эту пуговицу и спрятала в коробочку. Пуговицу, которую держал писатель (я впервые видела тогда живого писателя)! Понятно, что она должна была покоиться неприкосновенной, а не изнашиваться на пальто. Только десять лет тому назад попала мне как-то случайно сохранившаяся, эта коробочка с пуговицей и двумя лавровыми листочками — одним из венка Достоевскому, другим — из венка Гаршину (я взяла их на память), и я сожгла их в печке.

Помню, какое незабываемое впечатление произвели на меня похороны Достоевского. Тихо, торжественно двигалась процессия, сопровождаемая массой народа, к Александровской лавре: никакой полиции, ни одного городского, ни конного, ни пешего. Студенты и студентки различных учебных заведений, держась за руки, образовали цепь вокруг всей процессии. Так и дошли до самых ворот лавры.

Профессора. Основателем Высших Женских курсов считался К.Н. Бестужев, они так и назывались — Бестужевские, но фактически основал их Андрей Николаевич Бекетов (ботаник) вместе с Н.В. Стасовой, писательницей Е.И. Конради и группой из нескольких профессоров университета, среди которых был и Сеченов. Назывались же курсы Бестужевскими потому, что инициаторы обратились с просьбой к Бестужеву стать во главе курсов как учёному-историку, вполне благонадежному, в то время как Бекетов не мог этим похвалиться, и Общество, подавшее в 1878 году прошение на Высочайшее имя об открытии курсов от лица Бестужева, получило на это разрешение, и во главе их стал Бестужев. Правда, надо отдать ему справедливость, — он очень заинтересовался этим новым, имеющим в то время глубокое общественное значение делом; привлёк к нему нескольких известных профессоров, учёных-историков и словесников, и сам читал на словесном отделении курсов русскую историю. Но душою курсов, кроме Н.В. Стасовой, был Андрей Николаевич Бекетов, отдавший им много времени, забот и внимания. Он состоял председателем Общества доставления средств Высшим Женским Курсам и читал ботанику на первом курсе естественно-исторического отделения. Лекции он, конечно, читал безвозмездно; да, впрочем, в то время все профессора на курсах читали безвозмездно.

Бестужев держал себя по отношению к студентам официально (у него была лишь небольшая группа студенток старшего курса, к которым он благоволил и помогал работать научно), Бекетов был доступен каждой студентке, нуждающейся в совете или помощи, и ни одна не уходила от него невыслушанной. Он был прост и приветлив в обращении, и его любили. Помню хорошо его пышные седые волосы и вдумчивые, добрые глаза с полуприкрытыми веками. Если бы его внук А. Блок дожил до старости, то, я думаю, он был бы похож на Андрея Николаевича.

Лекции Бекетова (он читал морфологию и систематику растений у нас на первом курсе) не отличались блеском. Он читал монотонно, и многие находили их скучными, но я всегда любила растения и со вниманием слушала его лекции, которые были серьезны и очень содержательны, и навсегда заложили во мне любовь к ботанике. Бекетов основал при университете маленький ботанический сад и оранжерею, куда от времени до времени водил нас для демонстрации своих лекций. Лекции Бекетова всегда были сопровождаемы богатым наглядным материалом (гербариями, таблицами и прочим), которые привозил всегда сопровождавший его служитель из ботанического кабинета университета, знаменитый среди других служителей и студентов — Иван. Этого Ивана знали все в университете. Скоро он стал популярен и среди нас, на курсах.

Иван был неразлучен с Андреем Николаевичем, и, когда этот последний был на военной службе офицером, Иван был у него денщиком. Он знал латинские названия многих растений и, топя печку в кабинете, клал в нее березовые дрова, приговаривая: "Betula alba". На экскурсиях в университетском ботаническом саду впереди шла группа студентов с Бекетовым во главе, а сзади группа с Иваном, и он, называя различные растения (всегда по-латыни), описывал их происхождение и значение с прибавлением различных эпизодов, происходивших при их посадке: «Когда мы с Андреем Николаевичем сажали это растение, профессор такой-то переехал в университет на казённую квартиру», или «доцент такой-то женился» и прочие. Иван всегда говорил: «Мы с Андреем Николаевичем... Когда мы в офицерах служили, мы с Андреем Николаевичем красавцами были». Иногда во время лекции Бекетова (в университете) Иван оставался за дверью аудитории. Вокруг него собирались несколько студентов, и он рассказывал им различные университетские истории. Сначала он говорил довольно тихо, но потом все громче и громче, и голос его доносился в аудиторию. Тогда Андрей Николаевич умолкал и просил кого-нибудь из студентов пойти унять Ивана. «Скажите ему, — говорил Бекетов, — не может ли он прекратить свою лекцию, так как теперь начну я».

На курсах такие выходы с Иваном случались редко, но я однажды была свидетельницей, как он спорил со служителем профессора анатомии и физиологии Овсянникова о том, чей профессор читает лучше. «Ну, что твой профессор, он не читает, а мямлит», — говорил Иван. На что другой возражал: «А твой читает, точно спит». «Ну, по мне, — не унимался Иван, — ты хоть поставь самовар и навали кучу калачей, не пойду слушать твоего профессора, да и в кабинете у вас — одни гадости в банках — кишки да почки». «А я и за штоф водки не буду слушать твоего

В.А. Фаусек. СПб., 1887(?) г.
Из: Богданов, 1891

профессора...» Не знаю, чем кончился этот спор, так как я должна была торопиться (дело происходило на площадке лестницы).

Сомов, служитель Овсянникова, тоже был значительной личностью. Он, как и Иван, был предан своему профессору и очень заботился о том, чтобы студенты и студентки хорошо отвечали на экзаменах по анатомии. Чтобы не возить из университета тяжёлых банок с препаратами, он сам организовал на курсах (с разрешения Н.В. Стасовой) маленький кабинет анатомии, снабжённый всем необходимым материалами для лекций и наших занятий. Он отлично знал препараты и, когда мы готовились к экзамену, объяснял нам строение сердца, почек и проч. «Выучите все хорошенько, барышни, — говорил он наставительно, — чтобы не оконфузить нашего старичка, он почтенный и большой ученый, а что профессор Ивана? Что он читает? Пустяки — цветочки да ягодки — это разве наука? А тут человек — царь природы. Без чело- века все чепуха; Иван хороший человек, а в науке мало понимает». Сомов и Иван, в сущности, были большие приятели и выпивали вместе.

Я начала с ботаников, буду о них и продолжать. На втором курсе читал ботанику (продолжал курс Бекетова) знаменитый Иван Парфеньевич Бородин. Его лекции отличались красотой и блеском изложения, и его аудитория была всегда переполнена. Бородина ходили слушать не только естественницы, но и словесницы, так как лекции его доставляли слушателям истинное наслаждение.

Лекции Иван Парфеньевич сопровождал прекрасными препаратами, таблицами и живыми растениями из оранжереи Лесного Института, где он был профессором. Сам он очень хорошо рисовал на черной доске цветными мелками различные растения, иллюстрирующие его лекции, и очень ценил тех слушательниц, которые тоже умели рисовать. С гордостью вспоминаю, что и я принадлежала к их числу, наполняя свои тетради рисунками. На экзамене Бородин был очень строг: он требовал настоящего знания, точного и ясного изложения вопроса. Он был очень остроумен и на лекциях часто шутил, что не мешало серьёзности излагаемого.

На третьем курсе нам читал анатомию и физиологию растений очень известный ученый Андрей Сергеевич Фаминцын. Он был тоже прекрасным лектором, но в другом роде, чем Бородин. Очень серьёзный, даже суровый по натуре (я встречала его изредка впоследствии в доме своих друзей, в семье академика математика Имшенецкого), с дочерью которого я дружила, он и к слушательницам относился с какой-то суровостью: на лекциях его должна была стоять абсолютная тишина, при малейшем стуке, скрипе парты, громком кашле, Фаминцын морщился и бросал недовольные взгляды в ту сторону, откуда раздавался звук.

Войти в аудиторию, когда уже лекция началась или выйти из нее до окончания, что бес- препятственно можно было сделать у Бекетова, который просто этого не замечал, нельзя было и думать. Мы строго соблюдали порядок и всегда торопились занять вовремя места и сидеть, почти не дыша, когда Фаминцын входил в аудиторию. Первое впечатление для него было самое важное. Так же относились к его лекциям и студенты в университете.

Однажды был такой случай: прошло минут десять с начала лекции. В аудитории была пол- ная тишина. Вдруг дверь скрипнула и стала медленно отворяться, продолжая скрипеть. Фаминцын с суровым взглядом повернул голову к двери и умолк. В аудиторию вошла запоздавшая слуша- тельница и стала медленно пробираться вдоль стены. «Будьте любезны, — раздался резкий голос Фаминцына, — выйдите из аудитории, вы мне мешаете». Студентка остановилась в нерешительно- сти. «"Прошу вас еще раз», — сказал Фаминцын. Студентка не двигалась. — «В таком случае выйду я», — и Фаминцын отошёл от кафедры (он всегда читал стоя и не на кафедре, а на полу, опершись об нее рукою). — «Нет, нет, — быстро сказала студентка, — лучше выйду я», и поспешно пошла к двери. Фаминцын вдруг засмеялся: «Нет, лучше (он сделал ударение) садитесь поскорее и запо- мните раз и навсегда, что мешать лектору — непорядок и невоспитанность».

На экзамене Фаминцын узнал злополучную студентку. Она очень хорошо отвечала на все его вопросы. — «Извините меня, — обратился он к ней, — за урок, который я дал вам, помните, на одной из лекций, но вы его заслуживали, не правда ли? А теперь вы заслуживаете всяческой похвалы». И Фаминцын поставил ей «весьма». Впоследствии я узнала от Имшенецких, что Фаминцын потерял единственного сына двенадцати лет, который уже помогал ему в его научных экскурсиях, и поняла его суровость⁴³.

У Фаминцына был ассистент, Петр Николаевич Крутицкий. Он вёл у нас практические занятия по анатомии растений и относился к этим занятиям с большим рвением. Он учил нас делать тонкие разрезы различных тканей растений, обрабатывать их для препаратов, обращаться с микротомом. Препараты мы должны были зарисовывать и делать заметки. Крутицкий был строг и педантичен: когда мы приходили на занятия (группами не более 15 человек), микроскопы, материал для обработки, бритвы, ножницы и прочее были на столах для каждой работающей, и мы должны были со звонком войти в кабинет и тотчас приступить к работе. Опоздавших он также не пускал, никто не решался входить после звонка: он кричал и топал ногами <...>. Крутицкий занимался специально водорослями и, когда я привезла ему из Керчи водоросли Азовского моря, хорошо отпрепарированные, он был очень доволен. «Вот это хорошо, это спасибо...» <...>.

Зоологию беспозвоночных нам читал Николай Петрович Вагнер, известный учёный, впервые открывший явление «педогенезиса», написавший большую монографию «Беспозвоночные Белого моря», учредивший вместе со знаменитым ботаником Ценковским биологическую станцию на Белом море в Соловках, где и работал много лет сам, состоявши её директором. Кроме зоологии Вагнер занимался также писательством, сочиняя сказки (известны его «сказки Кота-Мурлыки»), повести и романы, а также психологией и явлениями медиумизма (вместе с Бутлеровым, но Бутлеров подходил к этим явлениям научно, как исследователь, критически, у Вагнера же преобладала фантазия)⁴⁴. Вагнер читал занимательно и картинно, демонстрируя свои лекции прекрасными препаратами и таблицами, которые привозил из университетского кабинета зоологии его служитель, Самуил.

Этот Самуил всегда присутствовал на лекциях Вагнера, быстро вешая на доску таблицу или подавая банку с препаратом, когда слышал обращённые к нему слова: «Самуил, Aurelia

Здание Высших Бестужевских курсов
на Сергиевской ул. (ул. Чайковского), д. 7.
Начало 80-х годов XIX века.
Музей истории СПбГУ

⁴³ Согласно опубликованной биографии А.С. Фаминцына (*Строганов Б.П.* Андрей Сергеевич Фаминцын. М.: Наука, 1996), от брака с О.М. Алеевой в 1880 г. у Фаминцыных родились дочь (1882) и сын (1891). Возможно, Андрусова имела в виду сына от первого брака, о котором нам ничего не известно.

⁴⁴ Сам Вагнер, напротив, считал себя сторонником научного исследования этого явления, хотя работа специальной комиссии при Физическом обществе, созданной для научной проверки спиритических «чудес» Д.И. Менделеевым в 1875 г., его не удовлетворила.

aurita» или какое-нибудь другое название животного. Самуил знал все их латинские названия. Вагнер говорил в кабинете университета: «Самуил, я еду на лекцию на Бестужевские курсы, собери мне “кольчатых червей” или “головоногих моллюсков”» и т. п., и Самуил собирал всё безошибочно.

Вагнер отличался своими чудачествами⁴⁵: так, например, читая лекции студенткам, он всегда обращался к ним со словом «mesdames»: «На прошлой лекции, mesdames; обратите внимание, mesdames; mesdames, я буду говорить сегодня о нервной системе речного рака» и т. п. Это mesdames было всегда у него на языке. Он даже в университете к студентам обращался со словами «mesdames». Самуил ему подражал и тоже называл нас mesdames, даже если говорил с одной, а не со многими.

Вагнер всегда ходил в потертом сюртуке, в старом пальто, в какой-то рыжей шапке, про которую студенты говорили, что она сшита «из меха зелёной обезьяны», и голубом пледе. Этот плед был когда-то темно-синий, но от времени выцвел. В холодные дни Вагнер носил этот плед не только на улице, но и в аудитории. О таком его одеянии ходила сплетня, будто на одном из медиумических сеансов духи предсказали Вагнеру три года жизни, и он сшил себе одежду с расчетом на три года, но прошло тринадцать лет, а он всё ещё жил и новой одежды не заводил, ожидая каждый год смерти.

Однажды Вагнер пришёл к нам на лекцию без воротничка; вместо него на шее у него был повязан довольно грязный носовой платок, кончики которого торчали с одного бока, как два заячьих уха. Мы смотрели на него с удивлением. «Вы удивляетесь, mesdames, — сказал Вагнер, прервав лекцию на минутку. — Это, конечно, вам кажется странным, но духи сегодня утром запретили мне надевать воротничок, и я должен был вместо него употребить носовой платок». В другой раз он явился с одним выбритым усом, а другой беспорядочно торчал во все стороны. Страшно трудно было удержаться от смеха, когда Вагнер, ходя по аудитории, поворачивал к нам то правую, то левую часть лица, то с усом, то без уса. Кто-то прыснул. Вагнер посмотрел на всех, улыбаясь сквозь очки, и сказал: «Что же делать, mesdames, у меня смешной вид, но не моя это вина. Я стал утром бриться, сбрил один ус, а духи сказали “довольно”, и я должен был прекратить это занятие». Так и ходил он несколько дней с одним выбритым усом. На следующую лекцию Вагнер пришел чисто выбритый, должно быть духи разрешили.

Когда я, по окончании курсов, работала в зоологическом кабинете университета, однажды Самуил принес банку со спиртом, в которой лежал довольно облезлый налим. «Николай Петрович велел приклеить особую этикетку на эту банку и поставить в его шкаф, — сказал Самуил. — Вчера вечером они заседали, вдруг “медум” (медиум) что-то забормотал, а было темно, и на стол шлепнулась рыба (я у двери стоял и в щелочку подглядывал). Николай Петрович дал мне эту рыбу — налим оказался и с душком (Самуил хитро улыбался) — и велел сохранить». Мы смеялись и с любопытством рассматривали «потустороннего» налима.

Когда я была преподавательницей в гимназии Стоюниной, туда поступила дочка Вагнера, девочка лет двенадцати⁴⁶. Я была в её классе воспитательницей. Девочка рассказывала всякие чудеса: «Я не могла вчера писать, у меня чернильница улетела, у нас часто летают вещи, — вот книга, например, лежит на столе и вдруг улетает на другой стол», или «А мы в этом году поедим на дачу в Южки, стол сказал (верчение стола)» и т. п.

⁴⁵ Эту особенность личности известного зоолога отмечали и другие, вспоминавшие о нём: см. *Шимкевич В.М.* Современная летопись. Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев (из воспоминаний зоолога) // Журнал Министерства народного просвещения 1908. Нов. сер. 16. Отд. 4. С. 1–18; *Никольский А.М.* Из воспоминаний зоолога... С. 86–87.

⁴⁶ У Н.П. Вагнера было три дочери, речь, очевидно, идет о младшей — Надежде, 1876 г.р.

Главный вход в здание Императорского Санкт-Петербургского университета. 1880 г.
Музей-архив Д. И. Менделеева

Практические занятия по курсу Вагнера вёл у нас на втором курсе Николай Евгеньевич Введенский, будущий знаменитый физиолог, ученик Сеченова, а тогда ещё молодой его ассистент и в то же время помощник Вагнера у нас на курсах: одновременно с физиологией Введенский занимался и зоологией беспозвоночных. Мы получали гораздо больше знаний от Введенского, чем от Вагнера⁴⁷, и я особенно увлекалась этими занятиями.

На втором курсе зоологию позвоночных читал у нас известный учёный и путешественник, Модест Николаевич Богданов. Большой знаток и страстный любитель природы, в своих лекциях он не ограничивался простым анатомическим описанием животных, но красочно и увлекательно описывал среду и условия, в которых они жили, их нравы, охоту на того или иного зверя или птицу и проч. М[одест] Н[иколаевич] очень любил птиц, и в его кабинете в университете был вольер, наполненный певчими птицами, куда он приглашал нас от времени до времени полюбоваться своими питомцами. В квартире у него тоже было много клеток с разными нашими северными птицами, которым он давал приют на зиму, а весной сам ездил за город, иногда довольно далеко, и выпускал на волю своих питомцев. От него я узнала много интересного о самых простых птицах: воробьях, воронах, голубях и проч. Богданов был дружен с Вагнером, но никогда не разделял его спиритических увлечений и бредней.

По курсу Богданова (зоология позвоночных) на третьем курсе вёл занятия его ассистент Соломон Маркович Герценштейн. Соломон Маркович был хранителем зоологического музея Академии наук и ассистентом в зоологическом кабинете университета. Несмотря на свою короткую жизнь (он умер 39 лет), он много сделал в области изучения моллюсков, а главное

⁴⁷ Это общее мнение вспоминавших о Н.П. Вагнере в период, когда он возглавлял Зоотомический кабинет ИСПБУ: см. *Фокин С.И.* Русские учёные в Неаполе... С. 281.

рыб Белого моря⁴⁸. Это был человек всецело и безраздельно преданный своей науке. Целыми днями и даже ночами он проводил в музее Академии наук, отвлекаясь лишь на короткое время для занятий у нас на курсах, для редких посещений друзей и концертов (он был большой любитель музыки).

С[оломон] М[аркович] был очень некрасив, с маленькими, очень близорукими глазами и длиннейшим носом, кривыми вывороченными ногами. Он ходил большими неверными шагами, размахивал руками, и о нём говорили, шутя, что он поворачивал за угол раньше времени, а потому всегда натыкался на стену. С[оломон] М[аркович] вёл занятия с нами с большим усердием, не жалея времени и с крайней добросовестностью. Подобно Крутитскому, он учил нас работать методически, учил большой аккуратности и тщательной отделке каждого задания. Мы должны были сдавать ему кроме тонко отделанного препарата точный схематический рисунок и подробное его описание. И Герценштейну, и Крутицкому я всегда была благодарна за их учёбу: они принесли мне много пользы в дальнейших моих занятиях.

С[оломон] М[аркович] был очень близорук, часто терял вещи и никак не мог их найти. По окончании занятий мы помогали ему убрать препараты, инструменты, микроскопы и прочее. Я всегда задерживалась дольше других на его занятиях, так как вообще интересовалась зоологией еще в прошлом году, и Введенский называл меня «специалисткой». В качестве такой перешла я и к Герценштейну и усердно у него занималась. Он давал мне работы сверх программы, давал книги и часто приглашал меня в музей Академии Наук, где показывал то, что меня особенно интересовало. Такие визиты я могла делать только по праздничным дням (а для С[оломона] М[арковича] праздников не существовало), так как в будни на это у меня не хватало времени. Впоследствии я встречалась с С[оломоном] М[арковичем] за стенами курсов (у Н. В. Стасовой), а когда я вышла замуж, то он сделался большим нашим другом, и моим, и моего мужа, и был им до своей смерти.

Обычно он приходил к нам два раза в месяц к обеду или вечером. Уходя, он всегда вынимал записную книжку, раздумывал с минутку и говорил: «Теперь я приду к Вам 25-го февраля в 6 часов» и записывал эту дату в книжке. В назначенное число ровно в 6 ч. вечера раздавался звонок и входил С[оломон] М[аркович]. Уходя, он опять записывал у себя число и час следующего своего визита (10 марта, в 8 ч. вечера, 5 апреля в 5 ч. и т. п.) и всегда являлся пунктуально в записанное время.

В день Нового года посыльный приносил мне подарок от С[оломона] М[арковича]. Это была всегда записная книжка в красивом, всегда красном, переплете с календарем и всякими указателями. Один раз только он изменил своему обычаю и, вместо книжечки, прислал мне ореховые щипцы, а произошло это вот почему: С[оломон] М[аркович] очень любил абрикосовое варенье и любил есть ядрышки абрикосовых косточек. У меня было такое варенье, а щипцов не оказалось, и он не мог щелкать косточки. Он очень упрекал меня за отсутствие щипцов и как бы в упрек прислал их мне в Новый Год в подарок. Но 3-го января (в назначенный им час) он пришёл к нам и принес мне всё же записную книжку. С[оломон] М[аркович] был очень образованный и разносторонний человек: с ним было очень приятно беседовать и слушать его интересные рассказы и рассуждения о различных предметах.

Он был рассеян до крайности, и о его рассеянности рассказывали массу анекдотов. Например (это действительный факт, о котором он сам рассказывал), однажды он остался работать в музее до глубокой ночи. Не желая задерживать служителя, он его отпустил, сказав, что сам запрет музей и завтра утром откроет его в 9 ч. Служитель ушел, С[оломон] М[аркович] запер

⁴⁸ С.М. Герценштейн (1854–1894), уроженец Херсона, из еврейской купеческой семьи; выпускник ИСПБУ 1875 г.; с 1880 г. учёный хранитель Зоологического музея ИСПБАН.

дверь изнутри, положил ключ в карман и стал работать. В 2 часа ночи он кончил работу и собрался уходить. Подойдя к двери, он нашел ее запертой. (О том, что ключ у него в кармане, он забыл совершенно). «Что делать? Семен меня запер и ушел, — решил он. — Как добыть Семена?» Над музеем помещалась квартира директора зоологического музея Академии наук, старого Штрауха, и над кабинетом Сол[омона] М[арковича] была его спальня. С[оломон] М[аркович] ставит на стол другой стол поменьше, на него табурет, берет в руки швабру и начинает ею колотить в потолок. Старый Штраух просыпается от шума, будит своего лакея и посылает его в музей посмотреть, что там случилось. Лакей подходит к двери, стучит. С[оломон] М[аркович] просит его пойти разбудить Семена. Приходит Семен: «В чём дело?» — «Ты меня запер и ключ унёс». — «Ключ у вас в кармане», — отвечает Семен. Сол[омон] Марк[ович], страшно сконфуженный, просит у Семена и у лакея, а на другой день и у Штрауха, прощения. Все его любили и прощали.

В другой раз был такой случай: Семья С[оломона] М[арковича] (мать и сёстры), с которыми он жил, переменила квартиру. Тотчас же после переезда С[оломон] М[аркович] отправился в академию.

Окончивши работу, он собрался домой; было уже 12 час. ночи... и вдруг он забыл адрес своей новой квартиры. Что делать? Вместо того чтобы пойти на старую квартиру, которая была в двух шагах от академии, и спросить швейцара, знавшего, куда переехали Герценштейны, он решил отправиться к своему приятелю, моряку Бирюкову, помогавшему им перевозить вещи. Но вот беда — С[оломон] М[аркович] забыл адрес Бирюкова (не улицу, а номер дома и квартиры). Тогда он идет пешком в Адмиралтейство, будит сторожа и в справочном бюро у дежурного, несмотря на то, что его все бранят, узнает адрес Бирюкова. Оттуда направляется опять пешком — (трамваев ещё не было, а конки кончали работу в 12 ч. ночи) на Николаевскую (ныне улица Марата), звонит (было уже 2 ч. ночи), пугает всех в квартире, вваливается в комнату приятеля: «Скажи, куда мы переехали?» — Бирюков раздражается хохотом, одевается, выводит С[оломона] М[арковича] на улицу, сажает на извозчика и везет домой к встревоженной семье: был уже четвёртый час утра, а С[оломон] М[аркович] обещал вернуться в 10 ч. вечера. Жалованье С[оломона] М[арковича] всегда получала мать: сам он или забывал деньги где-нибудь у себя в кабинете, причем прятал их так, что не мог найти, или терял.

Мать его рассказывала мне, что и маленький «Лема» был такой же рассеянный. Однажды она дала ему три рубля — купить чаю и сахару. Ему было 9 лет, и жили они в Херсоне. Лема переходил через канавку и вдруг увидел в ней каких-то рыбок; он уселся на краю канавки, положил на землю 3 рубля (бумажку) и стал наблюдать за рыбками. Прошли час, два, три, а Лемы все нет. Сестра, годом его моложе, пошла его искать, и нашла сидящим у канавки в немом созерцании рыбок. Ни чаю, ни сахару, а трехрублевая бумажка уплыла далеко. Лема позабыл всё.

Анатомию человека читал нам Филипп Васильевич Овсянников, который был профессором университета и, будучи академиком, заведовал анатомическим музеем Академии наук. Овсянников

Ю. И. Фаусек (в центре)
среди выпускников и преподавателей
дошкольного отделения
Педагогического института
им. А.И. Герцена. Ленинград, 1925 г.
Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена

очень любил курсы, и хотя его лекции были довольно скучны, мы посещали их добросовестно (на втором курсе), так как видели его огорчение, когда аудитория была неполна. В то время большинство из нас было проникнуто чувством глубокого уважения и благодарности ко всем профессорам, зная их прекрасное отношение и доброе желание сделать все возможное, чтобы женское образование стало на должную высоту и завоевало себе права. Ассистент Овсянникова, Владимир Николаевич Великий, вёл с нами занятия по гистологии⁴⁹.

На третьем курсе нам стал читать растительную физиологию человека Николай Евгеньевич Введенский. Это было в 1883 году. Тогда он был молод и не был ещё не только профессором, но и приват-доцентом (хотя уже успел пробыть три года в ссылке). Доцентом он сделался в 1884 году и стал читать лекции в университете. Курс физиологии начал у нас Сеченов, но за неимением времени и по болезни он передал его Введенскому, который, готовясь стать приват-доцентом и получить лекции в университете, учился на нас; впоследствии он и сам говорил о том, что Высшие женские курсы были его профессорской школой.

Он прилагал все усилия, чтобы сделать свои лекции обстоятельными и интересными, и это ему вполне удавалось. Мы не подозревали, какой большой учёный не только у нас, но и в Европе готовится из Николая Евгеньевича, слегка подсмеивались над его манерой держаться, над его характерной речью. Введенский был небольшого роста, широкоплечий, довольно нескладный, с вихром, постоянно падающим ему на лоб, с некрасивым, но очень выразительным лицом. На первую лекцию у нас он пришел во фраке, довольно неуклюже на нем сидящим, и в белом галстуке. Для Ник[олая] Евг[еньевича] это был торжественный день: он в первый раз взошёл на кафедру. Помню, как случайно, без всякого намеренья, я подсмотрела смешную сцену, в которой Введенский репетировал свое первое выступление.

Я сидела в нижнем зале в уголке за столом и чем-то занималась. Вдруг вошел Введенский из боковых дверей так, что ему меня не было видно. Кроме меня, в зале никого не было. Он быстро подошел к большому зеркалу, вделанному в стену, откинул свой вихор, поклонился и стал выделять руками различные жесты. Потом, откинув ещё раз вихор, произнёс: «Милостивые государыни». Мне стало страшно, что, повернувшись, он увидит меня, и я потихоньку спряталась под стол. Звонок, призывающий на лекцию, спас положение: Введенский быстро вышел, я вылезла из-под стола и убежала в аудиторию. Введенский взошёл на кафедру и, несмотря на все старания держаться важно, был страшно смущён и прерывающимся голосом произнес своё «милостивые государыни». Потом, понемногу овладев собой, прочёл лекцию очень хорошо и был награждён громкими аплодисментами. Через много лет, когда мне пришлось встречаться с ним как со знакомым, я рассказала ему этот эпизод. Он очень смеялся. «Если бы вы знали, — говорил он. — Как ужасно я волновался, как боялся вас всех, боялся гораздо больше, чем студентов, и как я был обрадован вашими аплодисментами. Как хорошо вы сделали, что спрятались под стол» <...>.

Николай Евгеньевич был сыном священника какого-то села Вологодской губернии, учился в духовной семинарии, по окончании которой попал в ссылку, где пробыл три года, а затем по освобождении поступил в Петербургский университет⁵⁰. По окончании университета работал в лаборатории Сеченова и был его ассистентом. Пребывание в семинарии и в ссылке наложило

⁴⁹ В.Н. Великий (1851–1917?), выпускник ИСПБУ (1874), ученик Ф.В. Овсянникова, впоследствии профессор и ректор Томского университета, с 1903 г. работал в Киеве.

⁵⁰ Здесь Юлия Ивановна изменила порядок событий в жизни Введенского. Возможно, что она точно и не знала историю его участия в «процессе 193-х», по которому он, будучи студентом, был арестован в 1874 г. за революционную пропаганду среди крестьян и провел 3 года в тюрьме. Позднее (1879) Николай Евгеньевич смог закончить университет.

на Введенского свой отпечаток: он был застенчив, но грубо-ват, что особенно отражалось в его речи. Он употреблял такие слова, как «с хвостам, с рукам, с ногам, плават, прыгат, лазат (это животню плават)». Обращаясь к кому-нибудь из нас, он говорил: «Ну, как вас там, барышня» (это «барышня» он произносил слегка презрительно). «Барышня» обижалась: «Я не барышня, я студентка». — «Ну, ладно, студентка», — соглашался Введенский.

Он говорил так, как будто нарочно, сохраняя свое вологодское произношение и не желая от него отделаться. Впоследствии, попав в общество высокой петербургской интеллигенции, он одевался, как было принято, в чёрный сюртук, иногда во фрак, носил перчатки, ухаживал за барышнями, а не за студентками, старался изъясняться изящно, но на лекциях так и остался «с хвостам, с глазам, плават и прыгат».

В жизни Николая Евгеньевича был неудачный роман: он, будучи приват-доцентом университета, давал уроки анатомии и физиологии одной очень богатой девушке, известной в то время миллионерше, Сибиряковой. Он влюбился в неё, сильно к ней привязался, выказывая свои чувства настолько явно, что все это замечали, страдал года четыре, и ничего из этого не вышло. Он так и не женился и умер холостяком, отдав всю жизнь свою науке.

Упомянув Сибирякову, мне хочется сказать несколько слов об этой выдающейся девушке, сделавшей много добра в своей жизни. Она была некрасива и не обладала никакими талантами, была очень застенчива и одержима мыслью, что люди влекутся не к ней самой, а к её миллионам, а потому была очень подозрительна. На ухаживающих за ней мужчин смотрела со страхом. «Им нравится мой кошелек, а не я сама», — говорила она жене художника Ярошенко, единственному человеку, с которым она была откровенна вполне. Мария Павловна (жена Ярошенко) знала о любви Введенского, знала, что и он нравится Сибиряковой, но ничем не могла им содействовать, не будучи в силах побороть ее подозрительности и его боязни, что она заподозрит его в корысти, в любви к её миллионам, а не к ней самой. Сибирякова отдавала много денег Высшим женским курсам, в кассу Общества вспомоществования студентам университета, Технологического института, на ее средства возник Институт Лесгафта⁵¹. Когда при министре Народного просвещения генерале Глазове (188? г.)⁵² Высшие женские курсы были временно закрыты, новый собственный дом на Васильевском острове, куда курсы переехали в 1884 году, должен был перейти во владение Кредитного Общества (где дом был заложен, а денег на выкуп

Ю.И. Фаусек (в центре нижнего ряда). Ленинград, начало 30-х гг XX в. Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена

⁵¹ Деньги на организацию П.Ф. Лесгафтом Биологической лаборатории с естественнонаучным музеем и «Курсов слушательниц и руководительниц физического воспитания» были даны его учеником — И.М. Сибиряковым (1860—1901), известным промышленником и меценатом, братом А.М. Сибиряковой.

⁵² Этот эпизод в воспоминаниях Ю.И. Фаусек плохо согласуется с известными фактами. Генерал-лейтенант В.Г. Глазов (1948—1920) был министром народного просвещения в 1904—1905 гг. Прием на ВЖК был временно закрыт в 1886—1889 гг. при министре И.Д. Делянове (1817—1897), который находился в этой должности с 1882 по 1897 г., но ВЖК были с 1885 г. уже в новом здании на 10-й линии Васильевского острова. Согласно воспоминаниям получается, что курсы были закрыты с 1884 по 1885 г. что не находит подтверждения в литературе. Вероятно, речь шла только о финансовых проблемах, связанных со строительством нового здания в 1883—1885 гг. Действительно А.М. Сибирякова была одним из наиболее щедрых меценатов того времени.

у курсов не было), Сибирякова выплатила весь долг целиком Обществу и взяла дом себе. Когда же через год Курсы были вновь разрешены, Сибирякова принесла его в дар «Обществу содействия Высшим Женским Курсам». Всё время, пока курсы не функционировали, и дом, и инвентарь тщательно охранялись при содействии той же Сибиряковой.

На четвертом курсе нам читал физиологию нервной системы Иван Михайлович Сеченов. До четвертого курса добрались не все поступившие на первый курс (нас было немного, не более ста), и лекции происходили в небольшой уютной аудитории. Никогда не забыть мне ни лекций, ни самого Сеченова на кафедре. Казалось, что он смотрит куда-то в пространство своими черными, пронзительными глазами и ничего не видит вокруг, а между тем он видел всё; так, например: сбоку кафедры у окна был столик, на котором его ассистент приготавливал препараты для лекций, объектами которых были главным образом лягушки. Ассистент Бронислав Фортунатович Вериго, впоследствии известный ученый-физиолог, был очень медлителен в своих действиях⁵³. Однажды Сеченов, читая лекцию, не глядя в сторону Вериго, вдруг обратился к нему: «Да полно вам, батенька, измываться над бедняжкой, приканчивайте скорее». Он видел и нас: «А, знаю вас, — говорил он студентке на экзамене. — Вы всегда сидели в уголке у печки, хорошо слушали»... Или — «Вы, точно сваха, все места меняли, то на одной парте, то на другой, а это мне мешало, я люблю, чтобы порядок был». — «Что делать, Иван Михайлович, — говорила студентка, — опоздаешь, а твоё место и займут». — «А не надо опаздывать, а та, которая ваше место занимала, нехорошо поступала, надо товарищей уважать» и т.п.

В этих замечаниях Сеченова не было суровости, наоборот, в них была всегда мягкость и ласковость. Рассказывали (очевидцы), что на экзамене в университете он спросил одного экзаменующегося студента, грузина: «Вы кем, батенька, собираетесь быть?» — «Доктором», — отвечал студент. «Так вот, мой дорогой, вам легче быть архиереем, чем доктором, лучше идите в духовную академию». Помню однажды случай на лекции Сеченова, напомнивший мне подобный на лекции Менделеева на первом курсе. Сеченов читал, одна студентка кашляла, и как она ни старалась подавить свой кашель, всё же он вырывался из её груди. Тогда она встала и стала потихоньку пробираться вдоль стены к выходу. Сеченов, не переставая говорить, провожал студентку глазами и вдруг сказал: «Сядьте, пожалуйста, на место и слушайте, и кашляйте себе на здоровье, сколько хотите; кашель мне не мешает, а то, что вы уходите, вы порядок нарушаете».

Лекции Сеченова отличались ясностью и четкостью, и в них были, присущие ему одному, выражения и словечки, например: «Поколикую я её буду раздражать, потопику она (лягушка) будет карячиться», или «Он (воздух) так и юркнет в пробирку» или «А слюна вожжой, вожжой» и т. п.

Помню, когда я кончала курсы, у нас, по принятому обычаю, был вечер в стенах курсов (на Васильевском острове). Мы не посылали профессорам приглашений, а ходили вдвоем, втроем (по выборам) к ним на квартиры приглашать их лично. На мою долю выпала честь быть в числе приглашающих Сеченова. «Очень вам благодарен, буду непременно, — сказал нам Иван Михайлович. — Только слезно прошу вас об одном: не приглашайте меня танцевать, я этот образ действий чрезвычайно люблю, даже можно сказать обожаю, а мне нельзя, вредно». Мы обещали не приглашать его на танцы, но когда тапёр заиграл вальс, Надежда Васильевна Стасова подошла к Сеченову: «Иван Михайлович, откроем бал». Сеченов был не в силах, да и глубокое уважение его к Надежде Васильевне и воспитанность не позволяли ему отказать, и замечательная пара под восхищённые аплодисменты сделала несколько туров вальса.

Весь вечер группа студенток между танцами с наслаждением слушала рассказы Сеченова. Никто не приглашал его танцевать, помня данное ему слово, но в конце вечера тапёр заиграл

⁵³ Б.Ф. Вериго (1860–1925), выпускник ИСПБУ, электрофизиолог, ученик И.М. Сеченова, в дальнейшем проф. Новороссийского и Пермского университетов.

мазурку. В юности я обожала танцы и особенно любила мазурку и, говорили, танцевала ее хорошо. «Ах, в ногах судороги, — сказал Сеченов. — Мазурка, ведь это божественный танец». Я отважилась, меня точно что-то подтолкнуло, и я не помню, как обратилась к Сеченову с просьбой «немножечко, немножечко потанцевать». «Ах, злодейка, ведь не могу удержаться, а что если Бог вас накарает за соблазн?» — «Пусть карает». И мы танцевали мазурку, и Сеченов, прихитывая ногой (танцевал он очень хорошо), приговаривал: «И я дворянин, и я этому учён». На другой день утром я, мучимая совестью и боязнью за здоровье Ивана Михайловича, побежала на курсы узнать о его здоровье и в кабинете Надежды Васильевны увидела и Сеченова. «Жив, жив, — сказал он мне. — А вас Бог не покарал?» — «Нет, Иван Михайлович, я живехонька и страшно рада, что с вами танцевала». «Ну, и прекрасно». Потом, поговорив о чем-то со Стасовой, вдруг обратился ко мне: «А почему вы не в балете? Вы прекрасно танцуете!» Я смутилась и не знала, что отвечать. «Что вы, Иван Михайлович, она будет ученая, — сказала Надежда Васильевна. — Мы ее на курсах оставляем на год зоологией заниматься». Сеченов крепко пожал мне руку. «И у меня она хорошо занималась, — сказал он. — Желаю успехов». Потом, смеясь, прибавил: «А балет — чудесное дело». И он был прав: он своим пронзительным взором точно увидел, что из моей науки ничего не выйдет.

Иван Михайлович обладал очень большой памятью на лица: он часто узнавал своих слушателей и слушательниц через несколько лет, встречая их случайно где-нибудь в доме или на улице. Помню, через два года по окончании курсов я ехала из Петербурга летом на урок в Тверскую губернию и на станции Старица столкнулась с Иваном Михайловичем, который из имени своей жены (в Тверской же губернии) ехал куда-то недалеко от Торжка к своей старшей сестре... В одной руке у него был маленький чемоданчик, в другой — связка жёлтеньких французских романов. Он меня узнал: «А, здравствуйте, танцорка». Расспросив меня, куда и зачем я еду, пожалев, что еду работать, а не отдыхать, он сказал: «А я вот еду к сестре на две недели для полного отдыха, сестра старенькая, я с ней в дурачки играть буду, да вот эти романы читать — чудесное дело! Такой отдых каждому человеку нужен, нужно, чтобы мозг поглупел на коротенькое время. Ну, а как же наука?» — спросил он меня. — «Ничего, Иван Михайлович, занимаюсь». — «Ну, и Господь с Вами, а танцы не покидайте, это для души полезно». Мы распрощались и разъехались.

Артемьев Н.А. (приват-доцент университета, преподававший геометрию и тригонометрию), был маленький композитор (он сочинял романсы и детские песенки) и хороший певец. На наших студенческих вечерах он всегда организовывал хор, в котором часто принимал участие и Иван Михайлович Сеченов, очень любивший музыку и пение, о чём он упоминает в своих автобиографических записках. Помню, однажды в таком хоре Артемьев, исполнявший роль регента, сделал замечание Сеченову: «Слушайте дорогой Иван Михайлович! Ведь вы никак не можете попасть в тон, прислушайтесь хорошенько». «Э, батенька, — отвечал Сеченов. — Какой вам ещё нужен тон, и так очень хорошо» <...>.

Весною 1884 года Бестужевские курсы переехали с Сергиевской улицы в собственный дом на 10-ю линию Васильевского острова. В то же время и я окончила свое обучение на курсах. Весь последний год, на четвертом курсе, мне пришлось очень много работать по изданию лекций по зоологии беспозвоночных для первого курса. Дело было так: я очень любила зоологию (беспозвоночных) и много ею занималась на третьем и на четвертом курсах. Я помогала Введенскому (Николаю Евгеньевичу) вести практические занятия на втором курсе, для чего должна была урывать время от лекций и от собственных занятий, но эта работа доставляла мне тогда очень большую радость.

Н.Е. Введенский посоветовал мне взяться за издательство лекций на первом курсе, на котором зоологию читал Н.П. Вагнер. Случилось так, что Вагнер в самом начале года уехал по

болезни за границу, и его кафедру занял единственный в то время казанский зоолог М.М. Усов⁵⁴. Записывать за Вагнером было очень трудно, а за Усовым ещё труднее, но я кое-как справлялась, а записанное мною читал и исправлял Введенский.

Я не только записывала и составляла лекцию, но и переписывала ее гектографическими чернилами, что отнимало массу времени: приходилось работать по ночам. Месяца через два и Усов переехал в Москву, и на кафедре появился молодой учёный (тоже из казанского университета) — К.С. Мережковский⁵⁵, брат известного поэта и писателя Д. Мережковского. К[онстанти]н С[ергеевич] был очень талантливый лектор, но он рано сошёл с поприща учёного, и его дальнейшая жизнь и деятельность была какая-то странная и тёмная (я не знаю хорошенько, в чем она заключалась)⁵⁶. Помню, как однажды меня вызвали в профессорскую к Стасовой. Я застала у нее Мережковского. Он никак не мог выяснить со слушательницами первого курса, что читал им Усов, и очень обрадовался, когда я смогла помочь ему в этом. После нескольких сомнений и колебаний он решил не продолжать курса Усова (Coelenterata), а начать новый, — прочесть курс «суставчатонюгих» как более понятный для слушательниц⁵⁷.

Мне он поручил продолжать издавать лекции и согласился их редактировать. Мережковский не ограничился одним редактированием моих записей, он занялся и моим образованием, давал мне книги, вёл со мной беседы. Он читал тот же самый курс и в университете и предложил студентам издавать лекции совместно со мной. Взавший на себя эту работу студент пришёл ко мне и предложил заняться всей технической стороной дела (лекции печатались уже литографским способом), чему я была очень рада. К тексту прилагались таблички схематических рисунков, которые изготовляла я в красках. Курс лекций получился настолько хорошим, что просуществовал ещё несколько лет как рекомендованное пособие для студентов (в то время не существовало хороших русских учебников зоологии, пока не появилась книга Холодковского). Я рисовала также стенные таблицы для курса Мережковского, которые практиковались ещё долго после того, как я окончила курсы.

Осенью я выдержала последние экзамены, и курсы были окончены. Мне был 21 год, и я чувствовала, что, несмотря на четыре года учения, я очень, очень мало знаю и что теперь-то я только поняла, как надо учиться и чему бы мне хотелось учиться. Я стала мечтать о том, что хорошо бы поступить в рисовальное училище, куда меня страшно тянуло, и отдаться искусству, отбросив все науки, но... об этом нельзя было и думать: передо мной стояла жизнь и необходимость работать не только для себя. Счастлив тот, кто с ранней юности обретает свою дорогу.

⁵⁴ Михаил Михайлович Усов (1845–1902), зоолог-эмбриолог был выпускником Санкт-Петербургского университета (1869), где он занимался у Ф.В. Овсянникова оболочниками, а только потом уехал в Казань, где стал профессором зоологии. Диссертации на степень доктора философии он защитил в Геттингене (1874), магистерскую — в ИСПБУ (1877) и докторскую — в Казани (1885).

⁵⁵ К.С. Мережковский закончил ИСПБУ в 1880 г. и работал под началом Н.П. Вагнера до 1886 г., когда вышел в отставку и поселился в Крыму. На службу он вернулся в 1902 г. в Казанский университет, где и стал доцентом, а потом профессором ботаники. Его краткую биографию см.: *Фокин С.И.* Русские ученые... С. 190–195.

⁵⁶ Темная сторона жизни Мережковского, о которой вскользь упоминает Юлия Ивановна, заключалась в сексуальном пристрастии к малолетним. В Казани, уже будучи профессором, он попал из-за этого под суд (1914) и вынужден был уехать за границу. Подробно эта сторона его жизни освещена в книге М.Н. Золотоносова «Отщепенis Серебряного века». М.: Ладомир, 2003.

⁵⁷ Позднее материал этого курса Мережковского вошёл отдельной главой в книгу Н.П. Вагнера «История развития царства животных. Курс зоологии беспозвоночных». СПб., 1885.

Меня оставили при кафедре зоологии на курсах. Н.Е. Введенский хлопотал о том, чтобы меня сделали хранительницей зоологического кабинета и помощницей лаборанта, что давало бы мне некоторый заработок и приятную, серьёзную работу,... но и тут я потерпела фиаско. Введенский передал мне ключи от кабинета и поручение привести его в порядок, что я и выполнила добросовестно. Но появилась другая кандидатка, некая Российская, которая была специалистка по физике и никогда серьезно зоологией не занималась. Казалось бы, что все шансы получить кабинет были на моей стороне, но почему-то на совете была утверждена не я, а Российская⁵⁸. Я была очень огорчена, не понимая, как могло это случиться, не понимаю и до сих пор. Введенский был смущён, Н.В. Стасова негодовала, сваливая все на Вагнера и называя Российскую интриганкой: голос Вагнера. Я горько плакала, плакала из сочувствия и моя сожительница — Лиза М. Поплавав, мы пошли гулять; возвращаясь домой, купили на целый рубль шоколаду у Конради... и утешились.

Я решила, что зоологии не брошу, на курсах буду заниматься и пойду работать в городскую школу. В то время диплом об окончании Высших женских Курсов не давал никаких прав. Для получения места учительницы в женской гимназии нужен был аттестат об окончании восьми классов гимназии и диплом об окончании В.Ж.К. ничего не прибавлял, наоборот мешал, так как почему-то учительниц с таким дипломом гимназическое начальство боялось, в то время как учителя гимназии были все окончившие университет. Выше четвертого класса учительницы не имели права преподавания. В городские же школы бестужевок принимали очень охотно. Все мои современники могли бы удостоверить, что бестужевки, имея высшее образование, вели свое дело прекрасно, и городские школы отличались своею образцовой постановкой. Но я попала не в городское училище, а в гимназию М.Н. Стоюниной.

Сделала это Н.В. Стасова: она дала мне два письма — одно от себя, другое от М.Н. Богданова, у которого я тоже работала (зоология позвоночных), рекомендуя меня как будущую полезную работницу в гимназии. Меня взяли как практикантку без всякого вознаграждения... С 9 утра до 3-х я работала в гимназии (она помещалась в то время на Фурштатской, ныне улице Войнова), в три я ехала на курсы, где работала в зоологическом кабинете до 5 (на Сергиевской, ныне ул. Чайковского), от 6 до 9 на уроки. Жила я на Фурштатской. Дома надо было еще поработать (подготовить кое-что для гимназии, для урока, рисовать и переписывать для заработка). Трудовой день был выше 12 часов (15–16), на еду и на сон оставалось мало времени. В воскресенье я мчалась в Эрмитаж, изредка мы с Лизой бывали в опере или Александринском театре.

В следующем году я получила уроки по естествознанию во втором и четвертом классах. Стоюнин посылал меня иногда на уроки известного в то время преподавателя естествознания А.Я. Герда⁵⁹ в гимназию Оболенской. Я очень многим обязана Стоюнину и считаю его моим первым и, в сущности, единственным учителем на педагогическом поприще. В старости я встретила систему Монтессори, и она ответила на все мои мысли (воспитательные) и сомнения, подтвердила и мои убеждения; в сущности, я была готова к её восприятию и посвятила

⁵⁸ Мария Александровна Российская (Кожевникова) (1861–1929), учительница русского языка в Орле (1877–1879), окончила ВЖК в 1883 г., где слушала лекции как на естественном, так и на специально-математическом отделениях, там она специализировалась по физике. После окончания была оставлена (1884–1887) ассистентом у проф. Вагнера и занялась зоологическими исследованиями, в том числе и на Севастопольской биостанции под руководством С.М. Переславцевой; опубликовала несколько работ по эмбриологии ракообразных.

⁵⁹ Александр Яковлевич Герд (1841–1888), известный педагог-естественник, сын англичанина, преподаватель Великих князей, в том числе и будущего царя Николая II; занимался, в основном, минералогией; член и председатель Общества по доставлению средств ВЖК.

всё своё время и всю свою деятельность изучению системы, ибо это есть целая философия, и проведению её в жизнь последние 25 моей жизни. К великому моему сожалению, мне удалось проработать под руководством В.Я. Стоюнина всего три с половиной года. Он умер в ноябре 1888 года.

Вскоре после окончания курсов (осенью 1884 г.) я стала работать в зоологическом кабинете Университета⁶⁰. Случилось это следующим образом: мой брат, который был в то время в Одессе в Новороссийском университете (работал, между прочим, у знаменитого зоолога А.О. Ковалевского) прислал мне в баночке яйца рачка *Arthemiasalina* из Хаджибейского лимана и наставление, как поступить, чтобы из яичек вылупились рачки. Помню совершенно ясно то незабываемое впечатление, какое получила я, когда однажды, сидя за моей конторкой вечером при лампе, я вдруг увидела, как в стакане с солёной водой, в котором на дне лежало несколько яичек, одно из них лопнуло, и из него поднялся и поплыл молодой рачок, так называемый Nauplius, за ним другой, третий и так несколько. Это было чудесно! Мое сердце затрепетало от радости. На другой день после гимназии я захватила стакан и с величайшей предосторожностью принесла его в зоологический кабинет университета, попросила служителя, уже упоминаемого мною выше, Самуила, вызвать мне Мережковского, которому я и показала своё сокровище.

Мережковский пришёл в восторг и попросил меня принести остальные яички для опытов, а стакан с новорождёнными рачками я оставила ему, хотя мне и жалко было расставаться со своими питомцами. Но какова была моя радость, когда на другой день, принеши яички в кабинет, я получила предложение от Мережковского приходить по воскресеньям и ещё два раза в неделю в кабинет и проходить курс зоологии беспозвоночных под его руководством и принять участие в его опытах с яичками *Arthemiasalina*. Этот поступок Мережковского был смелый и незаконный: ни одна женщина в то время не переступала ещё порога университета, я была первая. Вагнер, директор кабинета, был тогда за границей, и Мережковский был в кабинете полным хозяином; он и позволил себе эту вольность — допустить женщину в университет, не испросив на то разрешения ректора⁶¹.

По воскресеньям и иногда в другие дни после гимназии, когда позволяло мне время, я бежала в университет, в зоологический кабинет: у меня было свое место, свой микроскоп, микротом и прочее. Я усердно занималась, проходя курс беспозвоночных. Мережковский мне помогал, давал книги на дом. Наши совместные опыты с *Arthemiasalina* шли своим чередом, и Мережковский писал о них работу.

В то время в кабинете работало несколько молодых людей-зоологов, готовящих кандидатскую работу. Среди них помню И.Д. Кузнецова, будущего довольно известного энтомолога, Шалфеева, чрезвычайно милого и талантливого человека, рано умершего от туберкулёза, С.А. Порецкого, известного впоследствии преподавателя и писателя для детей по вопросам естествознания, Н.М. Книповича, будущего выдающегося учёного, А.И. Ульянова, брата Ленина. Был среди них и В.А. Фаусек, мой будущий муж.

Всё это были очень скромные и преданные науке молодые люди. Среди них Александр Ульянов производил особенно обаятельное впечатление: тихий, молчаливый, с ласковой улыбкой, приветливый и вежливый, несмотря на свою серьёзность, он радовался шуткам своих товарищей, на которые был особенно способен Кузнецов. Говорили, что он написал

⁶⁰ Фактически речь идет о Зоотомическом кабинете.

⁶¹ Юлия Ивановна работала, на самом деле в Зоотомическом кабинете не только в отсутствие Вагнера, но и после его возвращения из заграничной поездки. Но это было время, когда Николай Петрович уже мало интересовался делами кабинета, перепоручив его сначала Мережковскому, а после отъезда последнего из Петербурга — Шимкевичу, приглашённому им из Москвы.

выдающуюся кандидатскую работу, которую готовили к печати, но которая не увидела света после трагической смерти автора.

Был среди перечисленных некий Хворостанский, очень ограниченный человек, с большим трудом добивавшийся кандидатского звания: он написал какую-то работу о пивке, и с ним бился Мережковский и много помогал Кузнецов. С трудом пополам ему удалось защитить её. Помню торжество, устроенное ему товарищами, инициатором которого был Кузнецов, и в котором немалое участие принимал и Ульянов. У входных дверей кабинета была устроена триумфальная арка, украшенная гигантскими, вырезанными из картона и раскрашенными пивками и с надписью, гласящей: «Гряди, гряди, о пивок победитель, в упорстве и труде великий наш учитель!» И немного ниже, более мелкими буквами: «Ни пруда нет, ни канавки, где бы не было бы пивки, после же моей работы не найдете их нигде, — ни в канавке, ни в пруде». Арку устраивали все, надписи сочинял Кузнецов. Хворостанский принял все всерьёз и был очень доволен и горд. В длинном чёрном сюртуке, с лицом маленького чиновника, он жал всем руки и говорил: «Благодарю вас, господин Кузнецов, благодарю вас, господин Ульянов» и т. д. Слово «господин» он прибавлял к каждому лицу, к которому обращался: «Господин Мережковский, эту книгу написал господин Вагнер, я сдавал химию по книге господина Менделеева». Что стало потом с этим господином, повелителем пивок, я не знаю⁶².

Я работала в зоологическом кабинете около полугода, до весны (марта), и была очень счастлива, но, увы, этому счастью скоро пришел конец. В один прекрасный день, придя в кабинет, я увидела ещё одну женщину за столиком с микроскопом. Эта женщина была мой злой гений — Российская. Я похолодела от страха, предчувствуя для себя большие неприятности. Так оно и вышло. Всё как-то изменилось в кабинете: тишина и рабочая атмосфера нарушились. Я сидела за своим столиком тихо, как мышь, боясь разговаривать с молодыми людьми, работающими рядом со мной. Ко мне подходил Мережковский, проверявший мою работу и делавший мне указания, да изредка кто-нибудь из товарищей с просьбой дать ту или другую вещь с моего стола. Российская же вела себя шумно, со всеми разговаривала, громко смеялась; с ней шутили, болтали, она желала, чтобы ей подавали то или другое, ухаживали за ней.

Но мало-помалу поведение ее стало вызывать осуждение, и первые, кто начал давать ей отпор, были Ульянов, Фаусек, застенчивый Порецкий. С нею остались балагур Кузнецов, глупый Хворостанский и молодой Вагнер, совсем ещё мальчик, сын Николая Петровича. Его она никогда не оставляла в покое. А тут ещё Мережковский заболел и уехал в Крым, а на его место появился в кабинете известный зоолог Шимкевич⁶³. Вскоре после его появления в кабинет поступило предложение от декана естественно-исторического факультета удалить из кабинета женщин⁶⁴. Пришлось подчиниться, собрать свои пожитки и удалиться.

Российская пришла в негодование и решила не оставлять этого дела так, без всяких возражений. В один прекрасный день она явилась ко мне с предложением отправиться к министру

⁶² Константин Иванович Хворостанский (1860—?), выпускник ИСПБУ 1887 г. еще несколько лет работал в кабинете как оставленный для приготовления к профессорскому званию; дважды ездил на Соловецкую биостанцию (1887 и 1890) и был хранителем кабинета. В науке, впрочем, он действительно ничем не прославился так как в 1894 г. перешёл на службу в банк.

⁶³ Тогда В.М. Шимкевич только что получил магистерскую степень и ещё не был известным учёным.

⁶⁴ Официально подразделение называлось кафедра зоологии, сравнительной анатомии и физиологии естественного отделения Физико-математического факультета ИСПБУ; она состояла тогда из трёх кабинетов: Зоотомического, Зоологического и Физиологического. Последний был разбит на собственно Физиологический и Анатомио-гистологический в 1888 г. по предложению Ф.В. Овсянникова; фактически же это были уже 4 самостоятельные кафедры.

народного просвещения, известного в то время своею глупостью, Делянову. Она прочла мне доклад, чрезвычайно витиевато составленный, о несправедливости по отношению к «учёным» женщинам. Я, хотя и не причисляла себя к столь почетному званию (учёной женщины), но... согласилась идти с ней к Делянову <...> Но не вышло ничего не только для меня, но и для Российской — в кабинет нас больше не пустили.

Я не бросила занятий по зоологии и всё свободное время проводила на В[ысших] курсах в зоологическом кабинете. В это время на курсах читал зоологию Н.А. Холодковский, который обратил внимание на моё умение рисовать микроскопические препараты, и я сделалась его постоянным рисовальщиком. Многие из его работ иллюстрированы мною; были также мои рисунки в его прекрасном учебнике зоологии беспозвоночных, переведённом на французский язык. Позднее, когда я была уже замужем, Холодковский был профессором зоологии в Лесном Институте, и я ездила к нему в зоологический кабинет рисовать препараты для его работ. Однажды я сказала ему (разговор зашел о курении), что курить я никогда не буду, но что я очень люблю сладкое и всегда лучше и скорее работаю, если у меня что-нибудь сладкое во рту. На другой день я нашла на своём столе большую коробку прекрасных конфет. Я была глубоко тронута таким вниманием, а Холодковский выиграл: я окончила рисунки раньше, чем он предполагал.

Иногда мы с мужем бывали в гостях у Холодковских. В частной беседе Н.А. был очень интересным и разносторонним собеседником. По образованию он был врач, по специальности зоолог и, кроме того, был большой знаток литературы и прекрасный переводчик (перевёл «Фауста»).

Незадолго до нашего изгнания из зоологического кабинета университета случилось так называемое второе 1-е марта (1887 г.) — покушение на царя Александра III. Прейдя на другой день (2-го марта) в зоологический кабинет, я нашла его пустым; кроме служителя Самуила, в нём не было ни одного человека из работавших. Самуил рассказал мне, что сегодня ночью был арестован Ульянов, в его столе был произведен обыск, и все бумаги забраны (т. е. почти уже законченная его работа)⁶⁵. Самуил был очень расстроен. «Такого тихого, хорошего молодца забрали, не иначе как повесят», — говорил он. Так и случилось. Все мы были потрясены.

Это трагическое событие коснулось отчасти и моего будущего мужа, В.А. Фаусека. У него был друг, зоолог, преподаватель в Лесном Институте, Иван Яковлевич Шевырёв. У Ивана Яковлевича был младший брат, Пётр, революционер, замешанный в террористическом акте 1-го марта 1887 г. Этот Пётр, двадцатилетний юноша, был болен туберкулёзом и жил в Ялте. Он был болен тяжело, безнадежно, но его всё же арестовали. Ив[ан] Як[овлевич] и Ф[аусек] приложили все возможные усилия и хлопотали о том, чтобы его отдали на поруки родителям, так как дни его были, по свидетельству докторов, сочтены, но... его казнили, так же, как и Ульянова... Это печальное событие омрачило последнее время моего пребывания в зоологическом кабинете. К.С. Мережковский был твёрдо убеждён, что я посвящу себя науке и буду учёной, он говорил со мной об этом, помогал мне работать, давал книги. До него в этом убеждении поддерживал меня Н.Е. Введенский. Летом 1886 года я написала небольшую работу «Инфузории Керченского

⁶⁵ Александр Ильич Ульянов (1866—1887) успел получить на 3-м курсе университета золотую медаль за сочинение «Исследование строения сегментарных органов пресноводных *Annulata*» (1886). Здесь речь, видимо, идет о работе на звание кандидата, которая защищалась при окончании университетского курса. По воспоминаниям А.И. Ульяновой, в начале 1887 г. Александр изучал органы зрения у какого-то вида червей. См.: *Полянский Ю.И.* Работа Александра Ульянова о строении сегментарных органов пресноводных кольчатых червей // Из истории биологических наук. Вып. 10 (Тр ИИЕТ, т. 41). М.; Л., 1961. С. 3—15. Премированное сочинение А.И. Ульянова опубликовано там же, с. 16—28.

залива»⁶⁶, и Мережковский заставил меня сделать сообщение в Обществе естествоиспытателей при университете. Я даже сделалась членом этого общества и гордилась его дипломом. Но... скоро наступило разочарование, и даже не разочарование, а вполне сознательное убеждение в том, что для науки я не гожусь, что отдаться ей так, как должен отдаваться истинный учёный, я не могу; это убеждение росло и крепло во мне, когда я сравнивала себя с братом, настоящим большим учёным, беззаветно отдавшимся науке. Я поняла, что в моих занятиях зоологией были заняты главным образом глаза и руки, а мысль была на заднем плане; я подходила к науке не как к науке, а как к искусству, и искусству прикладному: мне нравилось рассматривать, рисовать, делать препараты. В этом последнем я добилась большого мастерства. Работая в кабинете, я изготовила ряд препаратов по инфузориям таких, каких до сих пор никто не изготовлял, и они служили в течение двух-трёх лет пособием для лекций профессоров.

И я отошла от науки без сожаления, тем более что прикладная её сторона осталась при мне надолго в моей жизни.

Recollections of Yulia I. Faussek (Andrussova)

*THE PUBLICATION WITH COMMENTARY BY SERGEI I. FOKIN;
AN INTRODUCTORY ESSAY BY SERGEI I. FOKIN AND OXANA V. VAHROMEVA*

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;
sifokin@mail.ru; voxana2006@yandex.ru

These are a selection of the vast reminiscences left by Y. I. Faussek's, a graduate of the Department of Natural Sciences of St. Petersburg Higher Women's Courses (1884). They primarily reveal the informal character of certain St. Petersburg University professors-biologists, and other events that occurred in 1880s. The authors provide an extensive biographical note on Faussek, who is known for introducing the Montessori system of child education in Russia. Previously unknown photos of Faussek accompany the publication.

Keywords: Y.I. Faussek (Andrussova), Higher women (Bestuzhevskiyе) courses, St. Petersburg University, zoology, botany, physiology, professor-biologists.

⁶⁶ Эта работа — «Инфузории Керченской бухты» опубликована — в Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (т. 16, с. 236–258) и может считаться одним из первых протозоологических исследований, сделанных в России женщинами.